

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ПРАВИЛА
АБОРДАЖА

Сергей САМАРОВ

Сергей Васильевич Самаров

Правила abordaja

Серия «Спецназ ГРУ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125411

Сергей Самаров. Правила abordaja: Эксмо; Москва; 2003

ISBN 5-699-02980-X

Аннотация

Майор спецназа ГРУ Артем Тарханов получил боевую задачу: отправиться в Косово и захватить американскую психотропную установку – новое и эффективное оружие. За `генератором страха` охотятся не только русские разведчики. Албанские сепаратисты и чеченские боевики тоже не прочь получить опасную `игрушку`. Что и говорить, задача круче некуда. Впрочем, у спецназа ГРУ других не бывает.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Часть ПРИБЛИЖЕНИЕ ТУМАНА	7
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	37
Глава 5	52
Глава 6	59
Глава 7	72
Глава 8	84
Глава 9	101
Глава 10	108
Глава 11	124
Глава 12	135
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Сергей Самаров

Правила абордажа

ПРОЛОГ

Шелестел, шепелявил в листве неустойчивый и ненадежный свежий западный ветерок. Жаркое лето утомило, и вот спасением пришло долгожданное похолодание, будто это жена в длительную командировку уехала. Хотелось расслабления – дождя, но его, при всех потугах погоды, не было.

Ближе к вечеру высокий человек, не старый, но опирающийся на стариковскую палочку, заметно прихрамывая, вошел в ворота кладбища. В дежурной сторожке бригада могильщиков завершала трудный рабочий день. Пора бы и по домам отправляться, но двое устали, похоже, так, что идти самостоятельно не могли. Бригадир – душа-человек, когда дело работы и заработка не касалось – решил не тревожить их. Отдохнут, отоспятся и доберутся сами, если будут к тому времени еще автобусы ходить. А пока он собрал целую сумку пустых бутылок и решил отнести их в сарай с инструментами, который на ночь аккуратно закрывался. Бутылки в трудную минуту можно будет и сдать, а в сарае их хранилось уже достаточно для того, чтобы старенькую

машину на выручку купить или организовать кому-то вполне приличные похороны. Бригадир вышел на крыльцо и увидел прихрамывающего человека, который по асфальтированной дороге направлялся в глубь кладбища. Обычно в это время люди отсюда стараются уйти.

– Эй! – крикнул бригадир голосом чисто бригадирским. Он раньше был бригадиром на стройке, и когда кричал что-то снизу, его слышали на верхних этажах любого здания. – Куда собрался? Там выхода нет...

Человек обернулся через плечо, молча постоял с полминуты, но ничего не ответил и, так же прихрамывая, пошел дальше.

Пару месяцев назад на кладбище было ЧП: перепившиеся бичи, часто ночующие здесь и подкармливающиеся, распяли на кресте заброшенной могилы какого-то мужика, выпившего на могиле родственников бутылку водки и уснувшего там по причине слабости своего организма. Мужик проснулся ночью, хотел выбраться, но набрел, на свое несчастье, на них. Из-за чего-то они поскадалили, и бичи мужика распяли, а потом убили. Тогда долго, чуть ли не неделю менты трясли все кладбище – разве что покойников с пристрастием не допрашивали. Долго и нудно тормозили могильщиков, мешая им и работать, и расслабляться после работы.

– Эй! – еще раз крикнул он. – Тебе говорю...

Но хромой не обернулся... Он вроде даже и не слышал, что к нему обращаются. И вообще лицо у мужика, как издали

показалось, какое-то странное – ненормальный, что ли...

– Да и хрен с тобой, – сказал бригадир уже тихо, встряхнул пустые бутылки в сумке, пошел к сараю.

Вечерело стремительно. Человек с палочкой нашел квартал, долго бродил среди могил, отыскивая нужную. Наконец нашел не осевший еще и не сильно заросший травой могильный холмик. Памятника здесь пока не было, не успели поставить – только бетонный столбик с указанием номера могилы и написанной второпях фамилии.

– Вот я и вернулся, – сказал человек и поклонился низко, до земли. – Прости меня... Это я виноват, что так случилось...

Часть ПРИБЛИЖЕНИЕ ТУМАНА

Глава 1

МАЙОР АРТЕМ ТАРХАНОВ

НЕОБЫЧНАЯ ПРОСЬБА

ОДНОКЛАССНИКА

За час до окончания рабочего дня Тарханова вызвал к себе шеф. Необычно вызвал. Не через секретаршу, а сам зашел в кабинет охраны. Посмотрел на ребят свободной смены, сидящих за компьютерами и с усердием отстреливающих привидения, и сказал почти шепотом, что вообще-то на него, обычно малоприветливого и презрительно-занудливого, совсем не похоже:

– Артем Петрович, загляни ко мне минут через пяток. Разговор есть...

– Хорошо, – сказал несколько удивленный Артем.

Обычно шеф по коридорам ходил только в двух направлениях: от входных дверей до своих шикарных апартаментов, а потом обратно. Даже туалет у него был в кабинете персональный. И уж тем более никогда он не спускался на цокольный этаж, под широкую парадную лестницу, в комнату охра-

ны. Он и знал-то едва ли, где эта комната располагается...

После ухода шефа Тарханов заглянул в свой маленький, как кабинка общественного туалета, кабинетик без окон – дверь туда вела прямо из комнаты охраны, – достал из сейфа пару бумаг, которые необходимо было бы попутно подписать. А ровно через пять минут, соблюдая свойственную хорошим офицерам, даже и бывшим, пунктуальность, он поднялся на второй этаж. Секретарша Наташа показала дежурную белозубую улыбку. Для каждого – в зависимости от знакомости в иерархии банковской системы – эта улыбка была своя. Для Артема она добродушно-снисходительная, когда глаза остаются холодными.

Наташа показала на двери шефа:

– Юрий Львович ждет...

Она очень ценила управляющего, а себя приравнивала почти к заместителю. Наташа недавно приобрела маленький и симпатичный «Мерседес» и теперь от всей души презирала тех, кто ездит, подобно Артему, на «жучках», тем более не слишком новых.

Тарханов на секунду остановился перед дубовой инкрустированной дверью, потом решительно повернул затейливой формы ручку-замок цвета лживого золота и подумал, что все здесь, начиная с хозяина кабинета и его секретарши, точно такое же – внешний лоск, за которым ничего не стоит. Все, включая банковские счета, которые существуют только благодаря чьей-то помощи, кредитам и прочему, что способ-

но поддержать банк на плаву, но всем в городе давно уже известно, что с этим финансовым учреждением иметь дело по крайней мере рискованно. И эта ежедневная лживость Артема утомляла, будто был он сам причастен к ней.

— Заходи, заходи... — Управляющий банком даже встал, жестом приглашая своего начальника охраны.

Такие разные по своему нынешнему положению, они сидели друг против друга и выжидающе смотрели глаза в глаза. Два одноклассника. Впрочем, даже в школьные годы они никогда не дружили. У каждого были свои приятели и своя компания. Почти тридцать лет не встречались, а свело их случайно два с половиной года назад, когда заместитель управляющего начал подыскивать серьезного человека на должность нового начальника охраны.

Тарханов работал в школе охранников и телохранителей, это его вполне устраивало, и он не слишком рвался на новую предложенную службу. Там, знал он, следует уметь ладить с криминальными кругами. А он этого не просто не умел, но и не любил. Артем отказался раз, отказался два, а на третий его пригласили уже не к заместителю, а прямо к управляющему. И только тогда Артем узнал, на какие верха сумел вскарабкаться Юрка — раньше, в школьные годы, ничем не выдающийся, даже слегка пришибленный, никем не любимый его одноклассник. В банке стало удивительно быстро известно, что Юрий Львович взял на должность начальника охраны своего приятеля-одноклассника. И потому, ко-

гда Артем подходил к какой-то группе служащих, разговоры сразу смолкали. И это обижало его честную офицерскую натуру.

* * *

– Дело у меня совсем, можно сказать, не служебное, – начал неуверенно управляющий. – И потому предлагаю переехать за стену, – он показал оттопыренным большим пальцем себе за спину.

Артем кивнул. Ему было даже любопытно посмотреть, что представляет из себя так называемая комната отдыха, про которую в банке много ползало разговоров. Но Тарханов там никогда не был – кабинет обслуживал не он сам, а его подчиненный, опытный специалист по электронной технике, который раз в неделю со сканером в руках тщательно проверял здесь каждый закуток.

Артем воспользовался моментом и протянул прихваченные с собой два листочка: акт на списание сгоревшего кабеля от камеры наружного наблюдения и требование на получение нового.

– Подпиши сначала...

Управляющий глянул мельком и быстро поставил размашистый автограф. Обычно же каждый документ он тщательно и придирчиво изучал, прежде чем подписать. Потом долго и нудно ныл и высказывал претензии, которые находить

был большой мастер.

Они прошли в комнату отдыха.

Юрий Львович сразу сел в мягкое кресло. Второе стояло напротив. Но Артем заметил следы от колес второго кресла на толстом паласе – чуть в стороне, там, где и положено было ему стоять. Значит, его сюда только недавно переставили. Специально ради этой беседы.

– Коньячку? – Управляющий откинул вниз дверцу бара так, что между креслами образовался удобный столик.

Несмотря на то, что домой предстояло возвращаться за рулем, Тарханов кивнул. Коньяк «Алафо» вызывал мимолетное воспоминания о ЮАР, где довелось его попробовать впервые, когда он проезжал через эту страну с румынским паспортом в группе других советских спецназовцев для участия в операции на территории Замбии.

– Не польский, надеюсь? – Артем посмотрел бутылку на просвет.

– Обижаешь... Да кто же сможет «Алафо» подделать, тут один аромат такой, что ни с чем не спутаешь. Мне его, как в советские времена, по большому благу достали.

Юрий Львович стал разливать в пузатые большие рюмки. Себе плеснул совсем немного. Столько же хотел налить и Тарханову, но тот пальцем надавил сверху на горлышко, вынуждая налить полную рюмку – грамм двести.

– Вот это уже по-нашему, по-офицерски...

Коньяк в самом деле оказался хорош, и тепло солнечного

напитка медленно расплывалось по жилам, заполняя голову.

– Слушаю, друг мой дорогой... – сказал Тарханов, как мог говорить с управляющим только наедине. – Выкладывай свои проблемы.

Тот виновато прокашлялся, словно его застали за чем-то нехорошим. И заметно было, что он сомневается и в то же время понимает, что от разговора, на который сам напросился, не уйти.

– Такое, в общем дело... – долгая пауза. – Ты дочь мою знаешь?

– Видел пару раз.

Тарханов вспомнил молодую женщину лет двадцати пяти, приезжавшую к отцу на маленьком трехдверном джипе «Тойота-Прадо». Саму хозяйку машины он мало рассмотрел, обратил только внимание, что ростом больше ста восьмидесяти, а вот машина привлекла внимание и даже весьма понравилась.

– У нее неприятности.

– Крупные? – спросил Тарханов. Он начал подозревать, что его хотят втянуть в какую-то неприятную историю. Еще тогда, при предварительном разговоре, когда Юрий Львович уговаривал Тарханова оставить школу охранников и перейти на работу в банк, он почувствовал, что информация о нем, отставном майоре, была собрана обширная. Как предположил тогда Артем, она могла быть почерпнута только из досье ФСБ или из его личного дела в отделе кадров ГРУ. Слишком

много конкретных деталей, о которых никто больше знать не мог. А выложили их перед ним только для того, чтобы показать свою осведомленность. В какой-то степени даже могущество. И сейчас, будь проблемы пустяковые, управляющий не стал бы показывать свою заинтересованность в офицере-пенсионере спецназа ГРУ.

– Как сказать... Пока только неприятности... Не слишком большие... Но могут стать и крупными...

– Ну-ну...

– Вообще, понимаешь, ситуация такая, что у нас с Яной – дочь так зовут – неважные отношения. Ну, если и не совсем из рук вон, то сильно натянутые.

– Отцы и дети. Извечные конфликты...

– От этого никуда не денешься. Сам понимаешь, – Юрий Львович храбро выпил остатки коньяка и как будто осмелел. – Это давно началось. Когда она еще замуж решила в семнадцать лет выйти. В этом возрасте они все максималисты. С тех пор и относится к нам с матерью не слишком... Мы тогда помешали, а она родила. На аборт не согласилась, родила и дочь одна теперь растит... В нашей помощи не особенно нуждается. В деньгах почти самостоятельная. Ну, квартиру я ей, конечно, купил. И так, по мелочи...

Тарханов подумал о собственной дочери, которая живет с мужем и сыном в тесной двухкомнатной квартирке вместе с родителями мужа.

– И машину... – добавил с улыбкой.

– Нет, – сказал Юрий Львович. – Машину она сама. Я, конечно, мог бы, но она не захотела... Заработала... У нее свой магазинчик антикварный. Она же историк по образованию... Вот с историей и возится... Так, копеечный доход...

Тарханов кивнул с ухмылкой. За сорок восемь лет своей жизни он не слышал еще о бедных антикварах. И на копеечный доход, конечно, не купишь такой джип. Но не зря же говорится, что все познается в сравнении. Вот сам он считает, что получает по нынешним временам очень приличную зарплату. Особенно если сравнить ее с зарплатой служащих и офицеров. Но банкиру, как и владелице даже маленького антикварного магазина, эта зарплата покажется просто смешной. Поэтому сравнивать и не стоит...

– И тем не менее, – Артем вспомнил, что родителям нравится, когда хвалят их детей, – дочка, похоже, в папу пошла. Дела делать умеет... Моя вон как в школе работала, так и работает. Вообще, кстати, полгода без зарплаты... Тоже – историк...

Заметно было, что Юрий Львович с трудом удержался, чтобы не сказать что-то вроде: «Каждому свое...» Он даже слегка засмутился, словно в самом деле сказал так, и, чтобы это смущение скрыть, стал наливать себе вторую порцию коньяка.

– Ну, вот... Последнее время был у нее дружок. Крутой, спасу нет... Из местной чеченской группировки... Руслан. Рост под сто девяносто, черный пояс по карате. Два с лиш-

ним года они общались. Кстати, он все просил ее со мной познакомиться. Мне это не нравилось. Да она и сама знакомить нас сильно не рвалась. Но это другой вопрос. И вот два месяца назад Руслан неожиданно пропал.

– Что значит – пропал?

– Просто, пропал, и все... У него были свои ключи от квартиры. Утром уехал по делам. Он обычно раньше Яны уезжал. Сказал, что после обеда будет дома. Но больше там не появлялся. Даже не позвонил. И машина пропала. А это тоже не иголка...

– Что менты говорят? – Тарханов все еще соблюдал принятый им тон полувнимательного и слегка небрежного отношения.

– Ничего не говорят. Кто он ей такой? Друг... Не родственник? Нет... Вот родственники пусть и заявляют, если хватятся...

– А его друзья?

– Они-то больше всех волновались. Целый месяц к Яне наведывались. Да она и сама, кого знает, постоянно обзванивала. Все-таки, сам понимаешь, два года вместе...

– Понятно, – допив коньяк, Тарханов пододвинул пустую рюмку поближе к Юрию Львовичу. Тот налил еще немного.

– А вот неделю назад Яна по дороге из банка – от меня – домой заехала. Обычно в это время она всегда занята, а тут заехать решила. Словно толкнуло что-то, словно почувствовала, говорит, беспокойство... Зашла, закрылась на од-

ну только внутреннюю защелку. Поставила чайник на плиту, сама пока курит. И вдруг слышит, что ключом в замке ворочают. Она обрадовалась – Руслан, думала, вернулся. Побежала открывать. Дверь у нее сейфовая, с тремя сложными замками – сразу не открыть. Она защелку отодвигает, а с той стороны кто-то, вместо того чтобы открывать, наоборот – закрывает. Не умеет с замком обращаться. Так и закрыл один замок. Яна сразу-то и не сообразила, стала дергать ручку. Потом в «глазок» глянула – никого. Услышали, должно быть, что она изнутри открыть пытается, и сбежали.

Она испугалась – значит, не Руслан. А ключи только у него были. Стала его друзьям звонить. Те приехали. До утра сидели, ждали гостей – никто не появился. На следующий день Яна замок сменила и на работу уехала. Магазин-то тоже без присмотра оставлять нельзя... Неделя спокойно прошла. А вот вчера вечером, когда она после работы вернулась – дочку Веронику пока к нам отвезла, для безопасности, – дверь открыла и ужаснулась. Все в квартире кверху дном... Перевернуто и перерыто... Явно, говорит, что-то искали...

– Менты что?... – перебил Артем.

– Она с ними связываться не стала. Опять чеченам позвонила. Те приехали, посмотрели и посоветовали снова замки сменить. И дверь, когда дома, всегда на внутренней защелке держать. С ментами – не связываться, не помогут. И ствол ей на всякий случай оставили.

– Из квартиры что-нибудь пропало?

– Нет. Только что-то искали.

– Может быть, все же нашли?

– Да... Такие вот дела. Дома она только чуть порядок навела, но ночевать там побоялась. Хоть внутренняя защелка и сильная, а побоялась... К нам приехала... А сегодня вот позвонила из магазина, попросила найти кого-нибудь, кто помог бы...

– И ты мне предлагаешь заняться...

– Кто уж лучше-то справится...

Тарханов вздохнул. Вообще дело обстояло чуть лучше, чем он предполагал. Ему очень не хотелось бы, чтобы Юрий Львович предложил ему выступить в качестве боевика-спецназовца. Он не сомневался в своих навыках. Но в подобных конфликтах применение силы предполагает нарушение закона. И хотя сам Артем к закону относился без пиетета, ради чьих-то чужих интересов нарушать его открыто не хотел.

– Но ты же отлично знаешь, что я не розыскник, – попытался отговориться Тарханов, понимая уже, что его сейчас будут уговаривать и обязательно уговорят. – Здесь больше бы какой-нибудь бывший мент подошел.

– Артем, мне нужен не человек со стороны, а человек, на которого можно положиться... Я два часа думал, перебирал всех знакомых. Есть и бывшие менты, и бывшие комитетчики. Но нет ни одного порядочного. Кто мог бы молчать...

– А почему следует молчать?

– Этот ее Руслан был с наркотой связан... Мало ли что

выплывет сбоку...

Глава 2

КАПИТАН ИВАН ИВАЩЕНКО

КУТЮР ОТ СПЕЦНАЗА

Ему позвонили в субботу рано утром, когда он, почти всю ночь протрещав вязальной машиной, еще спал. Трубку взяла жена.

– Алло! Слушаю... – Для посторонних голос у Светланы всегда мелодичный, почти нежный. Услышав его, Иван с трудом оторвал голову от подушки, прислушался – кого спрашивают?

– Минутку подождите, он в ванной, – сказала Светлана. Притащила аппарат с длинным проводом прямо к кровати, зажала трубку рукой и прошипела:

– Тебя с утра пораньше. Похоже, что с коммутатора. Или какая-нибудь подружка... – Для него голос у нее был уже совсем другим.

Светлана злилась. Похоже, уже хронически. Она вообще весь почти последний месяц была такая. Иван не удивлялся, такой же монетой не отвечал, потому что понимал – их нынешняя жизнь была, по сути, и не жизнью, а сплошным выживанием. Но жена винила во всем происходящем мужа.

Иван трубно прокашлялся. Горло у него было с ночи забито пряжей, висящей в воздухе комнаты. Сначала Светлана

вязала на машине сама. Но сил у нее для этого дела явно не хватало. Иван однажды проявил желание помочь и с тех пор помогает регулярно, еженочно, без выходных. И постоянно кашляет после этого.

– Капитан Иващенко. Слушаю... – сказал он в трубку. – Соединяйте. Да, товарищ подполковник. Так точно. Есть. Сейчас прибуду...

Под недовольным взглядом Светланы он резко поднялся, быстро, разминая сильные и жесткие мышцы, потянулся.

– Извини, на базар сегодня пойти не смогу. Служба... Вызывают... Одна бы ты тоже лучше не ходила... Вдруг эти опять там... Если быстро вернусь, то еще, может, успеем.

Он натягивал камуфлированные штаны и говорил извиняющимся тоном. Знал, что жена скорее всего не послушает его и все равно пойдет на базар. В лучшем случае подождет его пару-тройку часов, а потом пойдет. Он, конечно, постарается к этому времени вернуться, но кто знает, что понадобится начальнику штаба бригады в субботний день...

Иван торопливо умылся, оделся и вышел во двор. Машина уже стояла у подъезда. Он забрался в кабину «КамАЗа» – легковушки, видимо, под рукой не оказалось, и потому послали тяжелый грузовик. Это уже хороший признак. Значит, ненадолго. Если бы пришла легковушка или автобус, это значило бы, что собирают всех офицеров. Тогда неведомое мероприятие могло бы затянуться надолго. А так, мало ли какая надобность. Вызывают его одного. Говорил подполков-

ник вроде бы спокойно. Случись в роте ЧП, он был бы более резок и конкретен.

Часть располагалась в поселке за городом. Пятьдесят минут ехать. Шоссе в субботу относительно пустынное, нет привычного для будней движения. Солнце с утра светит ярко, по-весеннему, как раз с той стороны, где капитан расположился, и теплые лучи склоняют к желанию вздремнуть.

Не высыпался он хронически уже на протяжении нескольких последних месяцев. Обстоятельства вынуждали к этому. Когда изредка выплачивали жалованье, его не хватало даже на то, чтобы отдать полностью стремительно растущие долги. Сам Иващенко мог и в части пообедать вместе с солдатами своей роты. Но нужно же было и детей, и жену кормить-одевать.

Жена до этого работала медсестрой в детской поликлинике. Мизерную ее зарплату тоже полгода не выдавали. Она терпела, а потом вообще уволилась – кому нравится бесплатно работать. Но и после увольнения денег своих не получила. Новую работу найти не удалось. Благо еще несколько лет назад, когда времена были не такими тяжелыми, сумели они купить японскую вязальную машину «Silver». Тогда покупали для себя, чтобы сыновьям Светлана что-то связать могла – свитер, шапочку, да и себе кофточку. Но теперь машина сгодилась на иное. Светлана вязала и вязала, а по выходным несла свои изделия на базар – продавала. По сути дела, это и был основной доход семьи, который худо-бедно, но в состо-

нении был прокормить.

Скоро и сам капитан, пожалев жену, вынужденно приобрел специальность вязальщика. Днем на службе, а ночью дома за вязальной машиной. Двигает каретку вправо-влево, следит, чтобы нить пряжи не сорвалась с крючковатых игл. Выбирает перфокарты с рисунком или с узором. Более того, скоро и модели придумывать начал – кутюр, одним словом, от спецназа ГРУ. И что самое странное, это злило жену. Да и ему было не по себе: странное занятие для командира роты. Иван скрипел зубами, терпел и вязал. Но вот на базар выходить, даже в гражданской одежде, он стеснялся. Увидит кто – засмеют.

Но в прошлую субботу Светлана пришла с базара в слезах, с заметной ссадиной на скуле, без половины своего наработанного за неделю товара. Вторая половина оставалась дома.

– Что случилось?

– Азербайджанцы... Они со всех деньги собирают, а я не дала.

В воскресенье, на следующий день, они пошли на базар вместе. Люди, не имеющие своих прилавков, продающие кто что может, выстраивались вдоль дороги длинными рядами. Светлана встала на привычное место, где у нее уже были знакомые, с такими же вязаными вещами. Иван пристроился в стороне. С женой, как договорились, постоянно переглядывались. И через час она показала взглядом – пришли.

Трое азербайджанцев – местный рэкет, собирали дань с

торговцев. Подходили они не к каждому, но понять систему в их избирательности было трудно. Иван и не собирался это делать, просто двинулся вдоль ряда торговцев так, чтобы подойти к Светлане одновременно с рэкетирами.

Разборка была короткой. На их угрожающие слова, адресованные Светлане, он ответил двумя короткими кистевыми ударами, потом коленом в пах и локтем в затылок. Этого хватило для начала. Продолжение последовало через пятнадцать минут. Теперь рэкетиров было уже шестеро. Но тут кстати подвернулись два прапорщика из бригады. Оба в гражданском. Они только что поздоровались с Иваном, но отойти далеко не успели. И во второй раз азербайджанцам пришлось хуже. Один из них на свою беду достал нож. Иван резко завершил обычно останавливаемый на середине захват и одновременно с вывихом сустава разорвал парню плечевые связки – на всю жизнь оставил инвалидом. Прапорщики тоже порезвились.

Сегодня, неделю спустя, он опять собирался пойти с женой. И вдруг этот вызов в штаб бригады. Очень уж он нехотит: дома, как назло, денег осталось – совсем ничего, на хлеб только.

Лишь бы Светлана не психанула и не пошла торговать одна. Рэкетеры могут оказаться и мстительными.

– Капитан Иващенко по вашему приказанию прибыл.

– Заходи, садись, – начальник штаба снял очки, посмотрел на Ивана прямо, хотел что-то сказать, но задумался и стал копаться в ворохе бумаг на столе.

– Вот... – наконец нашел он искомое и снова напялил очки, которые дужками сильно, до постоянной красноты натирали ему уши. – Запрос на тебя пришел.

– Откуда?

Честно говоря, у Ивана что-то дрогнуло внутри. Он вспомнил недельной давности драку на базаре и подумал, что его вычислили и запрос этот из милиции. Все-таки одного из парней он оставил инвалидом. С другими тоже могли произойти неприятности. Уж что-что, а бить спецназ ГРУ обучен.

– Из Москвы. Из Управления. Давай выкладывай как на духу. Ты македонским языком владеешь?

– Да, – сразу успокоился Иван. – Еще помню. И македонский, и немного сербский. У меня командировка в Скопье была лет десять назад. Четыре месяца с ними общался. Там на границе – в Греции – натовская база располагалась. Я несколько раз в Грецию пешком ходил. С американцами контакты налаживал. На алкогольной почве. В барах. Под греческое вино. Как домой вернулся, ох и трудно остановиться

было...

– Остановился?

– Там вино местное хорошее. Наше в сравнение не идет. Только потому и тормознулся. Из эстетических соображений...

– Понятно... – посмеялся подполковник.

– Так что же от меня Москве надо? Может, за знание языка зарплату выплатят?

Подполковник вздохнул. Он сам зарплату давно не получал и понимал состояние капитана.

– Ты близок к истине. Не просто зарплату, а в тройном размере тебе предлагают.

– Это уже дело, – Иван понял: в тройном размере должностной оклад выплачивается за время участия в боевой операции на территории противника. Единственно, что за звездочки доплата не идет. Но и так приятно. Стаж тоже – год за три. Уже сейчас стаж позволял ему на пенсию выйти – прилично набирается, потому что подобных командировок у капитана Ивана Иващенко было на счету достаточно. Но вопрос все же возник.

– Товарищ подполковник, извините, но там тоже платить будут, как здесь?

– Успокойся. Там – платят.

– Хотелось бы надеяться.

– Документы на тебя я подготовлю к среде, к четвергу. Через недельку готовься отправляться в Первопрестольную.

Не волнуйся, семью голодом не заморим. Мы уже обсуждали этот вопрос. Ищем сейчас возможность полностью погасить перед тобой задолженность по зарплате и обеспечить командировочными.

– Искать можно всегда, – Иван все еще не верил. Трудно поверить, когда много месяцев и уже лет это длится. – Найти только труднее.

Но если за решение финансового вопроса взялся сам командир бригады, это уже обнадеживало. Командир в самом деле человек серьезный. Молчаливый и во всем конкретный, он если говорил, то всегда по делу.

– Так ты согласен? – спросил подполковник.

– А как я иначе с вас свои кровные вытрясу... Не захочешь, согласишься.

– Вот и ладушки, – повеселел начальник штаба. – А для начала мы вот с командиром наскребли немного.

Он достал из ящика стола конверт и протянул Ивану. В конверте лежали деньги. Иван прикинул: здесь зарплата месяца за два. Вот уж, что называется, кстати. Подарок жене!

– Подарок жене! – словно его мысли услышал, сказал подполковник. – Чтобы дома все без эксцессов было. Чтобы жена не возражала.

– Где расписаться?

– Пока, капитан, негде расписываться. Это командир сам где-то раздобыл, для тебя специально. И я чуток добавил. Для пользы дела. А как выплата будет, тогда и распишешься.

Иван пожал плечами. Такого в его практике еще не было. Значит, очень он понадобился. Не какой-то другой офицер спецназа, а именно он. Да оно и понятно. Во всей бригаде, пожалуй, он один македонским языком владеет.

Македония... Ситуация становилась более конкретной.

Глава 3

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ СЕРЕЖА ЯБЛОЧКИН ПОЖИРАТЕЛЬ ЛЕОПАРДОВ

Он был еще жив...

Желтые и холодные глаза горели диким огнем и ледящей душу ненавистью. Странное сочетание льда, холода и пламени вызывало мороз под кожей, несмотря на окружающую жару.

Леопарда угораздило подорваться на мине, только час назад установленной нашим отрядом. Ему перебило полностью три лапы, разворотило отвислый живот. И теперь он лежал перед нами на боку, гордый и ненавидящий, сильный даже перед приближающейся смертью, и замахивался единственной уцелевшей передней лапой, коротко, с хрипом рычал, предупреждая любую попытку подойти к нему, все равно – со злом или с добром. Помощи он не желал, он желал только одного – умереть спокойно.

Мы вышли сюда, к леопарду, на звук взрыва. Я боялся, что это кто-то из моих бестолковых парней не справился с установкой взрывателя. Местные негры – народ удивительный. Беспечный невероятно. Говорят, что среди них даже профессора встречаются. Но те, с которыми мне довелось работать,

умеют только плясать вокруг костра и бить в тамтамы так, что любой ударник самой популярной рок-группы от зависти все патлы себе выдерет. Иногда, правда, они пытаются стрелять. И даже любят это делать. Но не всегда попадают туда, куда им попасть нужно. Более того, редко попадают... И еще они умеют умирать, глядя на тебя совсем разнесчастными глазами. Смерти не боятся, но боятся боли. И потому идут на самую сложную операцию без тени сомнения и страха.

Сколько я ни пытаюсь вбить им в кучерявые головы простейшую до элементарности мысль – пару раз объяснял даже кулаком! – они упрямо начинают установку ловушки с присоединения к усику взрывателя. А это грозит тем, что могут мои разлюбезные негры только чуть-чуть перетянуть провод, и тогда взрыватель сработает. Ну что, казалось бы, в этой деятельности сложного... Все ему объяснишь, все разжуешь.

– Понял? – спросишь с угрозой.

Он скалит белые зубы. Кивает. Он понял.

Но начинает устанавливать мину и делает все наоборот. Возможно, это фатальность дикой природы сказывается. Или нежелание высчитывать те метры проволоки, которые ему понадобятся. Со счетом у них совсем плохо. Обрежут проволоку, установят, как я им показывал, по правилам – и не меньше, чем на полметра, не хватает до взрывателя. Да обрежь ты на метр, на два метра, в конце концов, больше. Тогда уж точно хватит. А остатки и выбросить не жалко. Но им жалко. Лучше взорваться...

Странная психология. Мне вообще недоступная.

Нашим сборным отрядом командует капитан Ван дер Хилл. Он метис. Приехал сюда из ЮАР молодым еще лет пятнадцать назад. И все пятнадцать лет воюет. Про свою страну давно забыл. И совершенно не интересуется ею. Даже делает вид, что не знает, кто там сейчас правит. Я как-то упомянул в разговоре Нельсона Манделу, так Ван дер Хилл страшно удивился, что тот не в тюрьме. И уж совсем не поверил мне, когда я сказал, что он президент его родины. Или сделал вид, что не поверил. Родину он свою не любит. Говорит, это оттого, что родина не любит его. Там негры не переносят белых, а белые не переносят негров. А у него белый отец и черная мать. Там его не принимают ни белые, ни черные. Он служил в полицейском спецназе. И постоянно чувствовал унижение и от белых, и от негров. Потом плюнул на все и уехал сначала в Намибию, потом в Анголу. И сумел показать свои качества солдата. Его знает и ценит сам доктор Савимби, глава УНИТА. А это в местных условиях много значит.

Ван дер Хилл родился, видимо, для того, чтобы воевать, — есть определенная порода людей, похожих на него. Я сам немало встречал таких. Имеются у него и деньги, где-то есть и недвижимость, вообще, он человек не бедный и не глупый. Но без войны он уже не может, не представляет себе жизни. Он командовал несколькими отрядами, подобными нашему. Ни одного ветерана, при той мясорубке, что в Анголе тво-

рится уже на протяжении сорока лет, рядом с ним не осталось. Сам он, как думают местные негры, ньянга – колдун и заговоренный. Его не берет ни пуля, ни нож, мины сами сообщают ему о своем присутствии... Или он их по запаху определяет... Но месяц назад прорывались мы из тылов правительственных войск и нарвались на отряд кубинских коммандос – это только официально их вывели из Анголы в девяносто первом, а коммандос, разбавленные наемниками из других стран, в том числе и из ЮАР, воюют там до сих пор и получают в месяц по десять тысяч баксов. Плата, надо сказать, недурная. На четверть весомее моего оклада. Так вот, нас было втрое больше по количеству. Но наши негры сравниться с неграми кубинскими не могут. У тех подготовка, дисциплина, тактика – все отточено под руководством таких же, как я, русских спецназовцев. Пришлось нам проходить через их строй. Числом задавить было невозможно, тем более что с тылу нас подпирали солдаты МПЛА. Прорываться решили, не ввязываясь. Прошли, потеряв половину состава. У меня на бронежилете следы трех попаданий – ребра ныли почти зубной болью, у самого Ван дер Хилла, я лично потом смотрел, в шести местах рубашка пулями прорвана, рукав прорезан ножом и сорван погон саперной лопаткой. Но на теле ни одной царапины. Не захочешь, но поверишь, что он в самом деле ньянга. Да Ван дер Хилл и сам про это говорит открыто, касаясь с трепетом подвешенного на шею, рядом с католическим крестом, мешочка с амулетами и шепча под

нос непонятные слова на неведомом для всех языке. Что-то вроде благодарственной молитвы.

Солдаты в такие моменты смотрят на него не без ужаса. Суеверные они, как истинные негры, до джунглиевой дремучести. Но я-то, я-то не суеверный... Но все, однако, на моих глазах происходило. А потом, когда от преследования оторвались и шли через покрытую кустарниками саванну, Ван дер Хилл вдруг неожиданно остановил отряд.

– Здесь впереди все заминировано. Обходим справа, – и махнул рукой, показывая направление.

Как специалист по подрывному делу, я прошел шагов на двадцать вперед. И насчитал на таком коротком участке три мины. Поставлены они, конечно, не местными неграми – спец ставил. Откуда командир мог знать о них?..

* * *

Ван дер Хилл подошел к леопарду почти вплотную, присел. Зверь даже попытался достать до него мощной когтистой лапой, но не дотянулся сантиметров десять. И тогда командир поднял руку над головой раненого хищника – в полуметре... И леопард прижал уши, сначала сменил хриплый рык на подрагивающее утробное рычание, потом это рычание лишь изредка вырывалось откуда-то изнутри зверя. Леопард замер, глаза его сузились, как у дремлющей кошки. Со стороны казалось, что он покорился человеку.

– Он не выживет... – сказал Ван дер Хилл и позвал снайпера Ниомбе. Ниомбе – негр-наемник из Зимбабве, ходит с «винторезом». Нам ни к чему поднимать лишний шум выстрелами из «АК», и Ван дер Хилл взял винтовку из рук снайпера. Он не выстрелил сразу, сначала наклонился, причем так, что пожелай только этого леопард, он своей мощной лапой, которой быка с ног сбивает, вцепился бы нашему командиру приличную затрещину. Склонился и заговорил на незнакомом языке. Вообще Ван дер Хилл – полиглот. Как и положено уважающему себя сыну, он свободно говорил по-голландски, поскольку отец его был буром. Мать же была зулуска, и зулусским языком он владел не хуже. Кроме того, ЮАР как-никак живет под тенью аглицкой короны, и потому английский для Ван дер Хилла долгие годы был языком государственным. Повоевав немного в Намибии, он вполне сносно научился говорить по-немецки. В Анголе он никак не смог обойтись без португальского. Общаясь с наемниками из разных стран, знал и другие языки. Встречи с русскими специалистами привнесли в его лексикон ярко выраженный рязанский акцент. Сначала я не мог понять, почему именно рязанский, пока не сообразил, что судьба сводила его с выпускниками рязанского десантного училища. Мой же сибирский акцент, поскольку училище спецназа я заканчивал в Новосибирске, сначала долго заставлял его настороженно прислушиваться. Но наконец он стал повторять русские слова вслед за мной и по-моему. Ученик способный, что и го-

ворить...

Но сейчас ни я, ни другие бойцы отряда не могли понять, на каком языке говорит Ван дер Хилл. Было такое чувство, что его понимает здесь только одно существо – смертельно раненный леопард. Хищник жмурился, и казалось, что он сейчас замурлыкает, как домашняя кошка. И потрется о протянутую руку жесткими усами.

Ван дер Хилл закончил продолжительную речь, поднял «винторез» и выстрелил леопарду в голову. Чтобы не мучился.

На всех, и на меня в том числе, эта сцена произвела странное впечатление. Было в этом какое-то таинство, совмещенное с суровой необходимостью.

– Разойдитесь, – сурово сказал командир и махнул рукой. – Занимайтесь своим делом...

Солдаты разошлись, рядом с командиром остался лишь я; на правах советника, то есть человека более вольного, я мог себе это позволить. Тем более что сам Ван дер Хилл всячески старался показать мне свое дружеское расположение.

– Что ты ему говорил? – спросил я.

– Я просил прощения у его духа.

– На каком языке?

– На древнем языке духов...

Он достал нож-мачете, почесал им смуглую щеку, пробуя остроту лезвия, и стал разрезать грудь мертвого зверя.

– Шкура уже никуда не годится, – посетовал он. – А то я

ее подарил бы тебе... В вашей России такие звери, наверно, не водятся...

Он раздвинул ребра и забрался рукой внутрь. И через минуту вырвал изнутри, не вырезал, а именно вырвал своими сильными пальцами сердце.

Показал мне. Сердце у леопарда оказалось на удивление большое для такого не слишком крупного хищника. Оно едва умещалось на его окровавленной ладони и еще дышало, вздуваясь, брызгало кровью.

– Сегодня мы с тобой будем есть сердце леопарда. Мясо пусть едят солдаты. Оно вонючее, но многим нравится. А сердце – в этом иной смысл...

Я усмехнулся, сознаюсь, слегка криво.

– Надеюсь, что не сырое?

– Сырое... – сказал он. – Ты станешь пожирателем леопардов, и тогда тебе будет незачем бояться пули... Я научу тебя и сделаю тебе амулет из этих когтей... – он указал на бессильные сейчас лапы зверя.

Говорил Ван дер Хилл так уверенно, что я начал верить в то, что он в самом деле ньянга. Я много слышал об их могуществе, но сталкиваться с таким могуществом не приходилось. Впрочем, а разве то, что пули только рвут на нашем командире одежду, а самого его не задевают, – разве это не могущество?

– Я хочу попробовать сырое сердце леопарда, – сказал я твердо.

Он разрезал сердце пополам и положил мне в руку мою долю. На ладонь стекала горячая еще кровь, даже половинка сердца пульсировала...

Подступило к горлу отвращение. Я посмотрел в глаза Ван дер Хиллу. И вдруг понял, что обязательно должен съесть этот кусочек сырого и горячего мяса. И отвращение прошло, и небывалое чувство появилось – уверенность в себе или что-то похожее...

Глава 4

ТАРХАНОВ

ОСЛОЖНЕНИЕ СИТУАЦИИ

Юрий Львович позвонил дочери. Договорился, что минут через сорок к ней приедет человек, которого она просила подыскать.

Коридоры банка уже опустели, рабочий день закончился, только уборщицы кое-где вдохновенно звенели ведрами. Артем вернулся в комнату охраны. Парни свободной смены – теперь уже следующей – так же сидели за компьютерами, как и час назад парни из смены предыдущей – если это и не общая манера, то общая болезнь отдыха в их небольшом коллективе.

– Вам Василий Афанасьевич дважды звонил, – сразу сообщили, не отрываясь от мониторов. – Обещал еще раз позвонить. Или сюда, или домой. Просил обязательно дожждаться звонка.

– Если позвонит, просто пошлите его... – сказал Тарханов, собираясь прибавить колоритное русское словцо, но сдержался, понимая, что мат, к которому он обычно не склонен, выдаст степень его подпития, и просто добавил: – Подальше... А пока, Валера, – попросил он одного из охранников, – чайку покрепче завари... Твой, фирменный...

Валера обычно потреблял почти чифирь, заваривая его прямо в литровой банке. Именно такой сейчас был необходим Артему, чтобы полностью прийти в себя.

И он ушел в кабинет, чтобы собраться с мыслями и проанализировать ситуацию. Естественно, просто так люди никогда и нигде не пропадают. Тем более что Руслан принадлежал к авторитетной в городе чеченской группировке. Значит, здесь завязаны какие-то и чьи-то большие интересы. Люди, которые в таких делах бывают повязанными, в средствах обычно не слишком разборчивы. Тарханов после выхода на пенсию не однажды получал приглашения от мафиозных структур – людей с такой биографией, как у него, ценят. Но всегда отказывался, удивляясь только информированности тех, которые в цивилизованном обществе этой информацией обладать не должны бы. Он – профессиональный диверсант, долгое время проработавший за границей, воевавший почти во всех «горячих точках» планеты. Но одно дело – выполнять служебный долг, приказ командования, принимать участие в самой рискованной операции, да к тому же вдалеке от дома, и совсем иное – ввязываться в столкновение с законом и с чужими интересами здесь, в родном городе, где знают и его, и его жену, и его дочь.

Валера принес чай в своей традиционной банке, накрытой побуревшей марлей, через которую напиток и предстояло процедить. Поставил на стол.

– Если этот – Василий Африканович...

– Афанасьевич.

– ...Василий Афанасьевич будет звонить. Что сказать? Так прямо и посылать?

– Скажи, что я ушел и просил меня больше не беспокоить. Желательно – никогда...

– А кто это вообще такой?

– Да так... Человек, который часто надоедает мне...

Валера кивнул, словно все понял, и вышел.

Василия Афанасьевича сейчас, честно говоря, только и не хватало. Всего две недели он не появлялся на горизонте. Хотя, конечно, где-то рядом плавал... А должен был не появляться месяц. Капитан первого ранга...

Это глупость, совместимая только с нынешним смутным временем, когда куратор разведчиков ходит по улицам и по квартирам своих подшефных офицеров разведки в мундире капитана первого ранга. Одной собственной пенсии и зарплаты куратора ему, видите ли, мало, он еще ведет и курсы подводников в военно-морском клубе, а там для солидности и авторитетности ему обойтись без мундира никак невозможно. Но по смыслу своей должности куратор должен быть незаметнее и осторожнее кошки, живущей на улице, где полно собак. Ну, хорошо еще в случае с ним, с Тархановым. Как-никак, а он строевой офицер, уволен с правом ношения формы, которую по военным праздникам и в самом деле носит. Но ведь помимо него немало существует и других, которые вообще ни разу в жизни погоны на своих плечах не видели.

Их-то он просто-напросто «засвечивает».

Капитан первого ранга элементарно раздражал Тарханова. Когда Артема отправляли, а точнее сказать – выталкивали на пенсию, сам он навстречу «заслуженному отдыху» не рвался. Более того, видел всю глупость сокращения офицеров из самых мобильных и боеспособных частей. Сокращать надо было генералов, штабистов, интендантов, финансистов и прочих сопутствующих армии военных чиновников. Сокращать необходимо было целые части, которые к действительным военным действиям непригодны и непричастны. Но взялись, и причем взялись круто, со злобой и ненавистью за самые боеспособные...

Кроме того, были и личные обстоятельства, о которых руководство знало. Жена Тарханова лежала в то время в онкологической больнице и готовилась к операции по удалению злокачественной опухоли молочной железы. Многие списали ее уже в покойники, но только не он. Разговаривал с врачами, выяснил, что двадцать пять – тридцать процентов больных после этой операции возвращаются к почти нормальной жизни. И он был уверен, что она тоже вернется. И вселял в нее уверенность. И вот, когда ему самому нужна была поддержка, его так жестоко ударили. И морально, и, что в тех обстоятельствах было важно, материально.

А когда появился в его квартире этот Василий Афанасьевич, насмешливо-надменный, отутюженный, самодовольный, как телеграфный столб, представился и заявил, что те-

перь они будут встречаться ежемесячно, что Тарханов чуть ли не отчитываться перед куратором обязан за то, как и чем он живет, о чем думает и что намеревается предпринять, то Артем не выдержал...

Нервная свобода последних месяцев оказалась сильнее офицерской привычки к соблюдению субординации. Не терпящий сквернословия в обыденной жизни, Тарханов так «покрыл» капитана первого ранга, что морской офицер – а морские офицеры всегда в русской армии славились богатым лексиконом – только рот в изумлении раскрыл.

С тех пор, выпустив пар при первой встрече, Артем несколько поутих. С куратором приходилось все же общаться. Тарханов, естественно, понимал, что Служба от него не отстанет. Да и привычка свое взяла. Сначала разговаривали исключительно по телефону. Василий Афанасьевич аккуратно звонил ежемесячно. Беседа всегда была предельно короткой. Но куратора даже это, похоже, устраивало. Считал, вероятно, что постепенно приручит отставного майора. Иногда он заезжал без звонка. Разговор бывал, как правило, не намного длиннее телефонного.

А сейчас вот второй день разыскивает его. И никак застать не может на месте. А на его настойчивые предложения позвонить, даже позвонить обязательно, переданные женой и ребятами из охраны, Артем просто не реагировал.

Заглянул Валера.

– Машина пришла. Уезжаете?

– Да.

– Сегодня появитесь еще?

– Скорее всего – нет. Но, как обстоятельства повернутся... Возможно, мне понадобится чья-то помощь. Я позвоню в случае чего. Договорились?

– Угу... – кивнул Валера. – Звоните.

Большой «Мерседес» управляющего занимал привычное свое место на тротуаре у центрального входа. Тарханов за руку попрощался с охранниками, стоявшими в дверях, и вышел. Водитель и телохранитель управляющего в едином лице – сухопарый и угрюмый Толик – не поспешил открыть дверцу перед начальником охраны, как он делал это перед самим Юрием Львовичем. И вообще лицо водителя откровенно показывало – он не слишком радуется, что его вместе с автомобилем на какое-то время переадресовали другому человеку.

– Куда? – спросил Толик сквозь золотые фиксы.

– Тебе лучше знать. Шеф тебе должен был сказать.

– К Янке, что ли? – фамильярно сказал водитель и, не дождавшись ответа Тарханова, плавно тронулся с места.

Езды до магазина было всего-то десять минут. Сам мага-

зин работу уже заканчивал, но Яна ждала Тарханова в своем кабинете. Водитель хотел тоже пройти туда, но Артем оставил его:

– Подожди в машине.

Судя по тому, как Толик кивнул через открытую дверь хозяйке, они давно и неплохо знакомы. Скорее всего через отца.

– Вы Артем Петрович, я так понимаю? – сразу, словно удостоверение бизнесмена показала, проявила деловые качества Яна. Говорила она жестко, отделяя слова и предложения одно от другого. При этом хмуро и с недоверием смотрела прямо в глаза. – Папа звонил мне. Вы начальник охраны в банке? И еще, кажется, папин одноклассник. Не мало ли этого для работы? А что вы еще из себя представляете и почему он доверил это дело именно вам?

– Вам это обязательно знать?

Тарханов спокойно и с вызовом осмотрел девушку. Что своевольная, даже чрезмерно, это даже по лицу видно.

– Мне хотелось бы доверять человеку, на которого я надеяться просто вынуждена. Потому что события разворачиваются по нарастающей.

– Я не думаю, что ваш отец открылся бы человеку, который не заслуживает доверия, – коротко и тоже достаточно жестко ответил он. – Давайте, однако, приступим к делу. Как я понимаю, появились какие-то новые моменты?

Она села и вздохнула почти обреченно.

– Да. Ко мне сейчас приедут сюда. Поговорить... Прямо сюда... – начала она опять чуть не агрессивно, но вернулась, видимо, мыслями к событиям и растерялась, как бусы рассыпала, и сразу пропало недавнее пугало огородное для семьи и крутого представителя чеченской мафии. Осталась только беззащитная и испуганная молодая женщина. И с такой общаться было для Тарханова гораздо легче.

Артем поднял брови:

– Кто приедет?

– Я не знаю. Просто позвонили перед вашим приходом и сказали, что сейчас приедут. Сказали, что все следует мирно выяснить в сложившейся ситуации, чтобы не случилось никаких неожиданностей и не произошло неприятностей. Спокойно говорили, без угроз. Но... Как-то по-кошачьи... Как кошка с мышкой...

Артем сразу понял, в какое положение он попал, не взяв оружия. Пора уже привыкнуть, что в настоящее время даже в своей стране, даже в мирном городе следует чувствовать себя и вести, как в военной обстановке. Люди, которые не боятся себя показать, зная заранее, что Яна может позвонить чеченам, обязательно будут вооружены.

– Вам чеченцы оставляли пистолет. Где он?

Яна посмотрела на него внимательно, но тут же достала из сейфа «ПМС» и протянула. Артем по весу профессионально определил, что в обойме не хватает двух патронов. Это не смутило, он привычно дослал очередной патрон в патронник

и поставил оружие на предохранитель. И едва успел засунуть пистолет за брючный ремень на спине, как плавно и широко распахнулась дверь кабинета.

Первые двое вошедших представляли из себя обыкновенных «быков», накачанных вдоль и поперек, как резиновые игрушки. Внешне перед каждым из них Тарханов проигрывал. Но ему, что было уже неоднократно проверено, таких сломать и руками – без пистолета – не слишком сложно. Третий вошедший впечатлял только умными глазами и безукоризненной манерой одеваться. Одна золотая заколка с бриллиантом на стодолларовом галстуке выдавала человека, не ограниченного в средствах.

Этот третий сразу сел за стол, прямо против Артема и боком к владелице магазина.

– Яна Юрьевна, я же весьма настоятельно просил вас не создавать себе излишних сложностей и не приглашать посторонних... – Он говорил, обращаясь к хозяйке, но намеренно-добродушный и слегка любопытный взгляд не отрывал от Тарханова.

– А это не посторонний, – Яна, к удивлению Артема, быстро справилась со своей недавней растерянностью, и теперь голос ее был уверенным и твердым. – Какую бы вы игру ни затеяли, кто вам сказал, что я должна участвовать в ней в одиночестве? Вот этот человек и будет моим представителем.

Пришедший интеллигентнейше улыбнулся. Просто ми-

лейшее создание, приятный собеседник, а не незванный гость...

– Вы опять не совсем правильно трактуете ситуацию. А кто сказал вам, что мы затеяли против вас какую-то игру? Мы хотели просто поговорить. Но... Как уж хотите... Итак, это ваш представитель. Очень приятно, что он ездит на «Мерседесе» вашего отца. Возможно, свой поставил в ремонт. Это случается.

– Случается, – благодушно кивая, подтвердил Артем, принимая светский тон разговора. – Только попросите – пожалуйста! – вашего человека, чтобы он вышел из-за моей спины. У меня, понимаете, такая особенность – не могу терпеть, когда кто-то за спиной стоит и я его не совсем вижу. С вашим человеком может произойти неприятность.

Пришедший опять улыбнулся.

– Мои люди профессионалы. Они сами выбирают позицию, в которой им удобнее стоять.

Артем улыбнулся. Точно так же мило и интеллигентно, – улыбкой человека, имеющего два высших образования – гражданское и военное. Он с детства любил интеллектуальных собеседников.

Артем сидел на стуле в свободной позе, забросив ногу на ногу и положив руки на колено. И ударил он за спину локтем совершенно неожиданно, из положения, из которого и бить-то практически трудно, потому что совсем не видно, куда бьешь. Но он видел на полу чуть сбоку и сзади кончик

большого начищенного ботинка. И по одному только этому точно высчитал место удара – в печень. И даже не повернулся, когда услышал, как без стопа, но со стуком осело на пол грузное тело неосторожного «быка».

Второй решительно полез под мышку за пистолетом. Артем в два движения сумел бы отправить его на отдых, как и первого. Но он опять улыбнулся. Еще милее, чем гость. Даже почти виновато.

– Я же просил... Сами понимаете, особенность... нервное заболевание... Природа...

Собеседник теперь уже сумел оценивать ситуацию и понял, что рядом с внешней интеллигентностью в Тарханове присутствует и качественная профессиональная подготовка.

– Вениамин, успокойся... – сказал он и мягким жестом остановил доставшего наконец-то пистолет из кобуры второго «быка», готового ринуться на противника. И тот замер на месте, сверля Артема близкими посаженными крохотными глазами, но пистолет не убрал.

– Так что? – сказал он. – Продолжим разговор?

– Продолжим, – мягко согласился пришедший. – Только для начала я хотел бы познакомиться с вами. Представьтесь, если у вас, естественно, нет причин скрывать свое происхождение.

– Согласен, – кивнул Тарханов. – Но по законам этикета пришедший последним представляется первым.

Гость хмыкнул.

– Хорошо. Только мое имя едва ли много вам скажет. Обычно меня называют Афиногеном. Но это не имя. Можете звать меня Валентином.

– Хорошо. Меня зовут Артем Петрович. – Тарханов хотел сначала добавить свое звание и сообщить о принадлежности к спецназу ГРУ, но вовремя сдержался. Лучше, когда не знают, чего от тебя можно ожидать. – Я служу начальником охраны в банке.

– Бывший мент, я полагаю... – скривил губы Валентин и показал свое презрительное отношение к соответствующим органам. – Или скорее всего комитетчик... – Вторые вызывали у него несколько большее уважение, потому он уже не так сильно кривился. – Я угадал?

– Нет. Армейский офицер. Пенсионер.

– Десантник, вероятно...

– Да. – Артем с внутренней улыбкой вспомнил, что спецназ ГРУ некомпетентные всегда считали десантниками, потому что они носили десантную форму, хотя командованию ВДВ никогда не подчинялись. Более того, все операции, проводимые в Афганистане спецназом ГРУ, автоматически записывались на баланс десанта. Не совсем справедливо, зато спокойнее. Тогда, до власти демократов, режим государственной секретности был в фаворе и никто не дарил пьяной рукой американцам тайны своей страны. – Итак, я готов выслушать вас.

– Нет, это мы желаем выслушать. Только не вас, а Яну

Юрьевну.

Яна встала.

– Я буду говорить только тогда, когда мне скажут, что случилось с Русланом. Где он?

Валентин развел руками.

– Это тоже наш вопрос. Из тех, которые мы желали бы задать вам. Мы желали бы знать, где он в настоящее время находится. Я полагаю, что где-то на Кипре, хотя, возможно, в Майами или в Буэнос-Айресе... По крайней мере, в Чечне его нет. Это мы выяснили. А по всем остальным адресам его ищут. Но на вашу помощь мы все же надеемся. Почему-то, – он опять улыбнулся, – не верится, что вы этого не знаете.

Яна не вытерпела и вышла из-за стола. Тарханов подумал, что она сейчас схватит Валентина за грудки и встряхнет неслабыми своими руками.

– Кто его ищет? – спросила, подойдя вплотную и возвышаясь над сравнительно невысоким гостем вавилонской башней.

– Мы ищем. Его самого и кое-какие из его вещей – бумаги и магнитофонную кассету, которые он с собой не захватил при бегстве.

– Простите, – Тарханову надоела роль статиста. – А кто такие – «мы»?

– Люди, заинтересованные в том, чтобы эти бумаги и эта кассета оказались в наших руках. Извините, большего я вам сообщить не могу. Так что, Яна Юрьевна, как человек в до-

статочной степени мягкий, я предлагаю вам добровольно отдать мне эти бумаги. Там всего четыре листа, скрепленных степлером. Для вас они не составляют интереса. Просто колонки непонятных цифр. И кассета с диктофонной записью некоторых разговоров. Для нас же они представляют некоторую угрозу. И потому нам очень хотелось бы этими бумагами владеть.

– У меня нет никаких бумаг. И никаких кассет... – Яна говорила твердо. – И вообще, пока не увижу Руслана или хотя бы не услышу его голос, пока не поговорю с ним, беседовать с вами я не намерена.

«А девочка характером покрепче папаши... – подумал Артем. – Юра уже раскололся бы и нюни распустил...»

– В таком случае, – улыбка медленно сошла с лица гостя, и в голосе появились осколки льда, – мы вынуждены будем провести обыск у вас в магазине, как делали это в квартире.

Яна посмотрела на Артема. Посмотрела, давая взглядом команду. Требуя немедленно выполнения обязательств.

– Вы уверены, что это у вас получится? – спросил Тарханов, но, помня древнюю конфуцианскую мудрость – не давай врагу знать, кто ты такой, и ты уже наполовину победил, – спросил почти вяло.

И тут он почувствовал за спиной опасность. Сначала промелькнула было мысль, что это неслышно поднялся тот «бык», которого он свалил. Но быстро сообразил, что «бык» сначала должен был бы пошевелиться, приходя в сознание,

а он был неподвижен. И в этот же момент изменилось выражение лица Валентина. Он смотрел за спину Артема – в окно, с ужасом.

Выстрел не прогремел. Просто полетели осколки стекла. А на груди Валентина, чуть выше и левее золотой заколки галстука, появилась черная точка, которая быстро покраснела. Второй выстрел, по звуку более слабый, чем выстрел из пневматического пистолета, послал пулю в голову Яны, которая сразу упала. Одновременно с ней упал и сам Тарханов. Не просто упал, а резко спрыгнул со стула вбок, под защиту стены. Дееспособный «бык», пистолет у которого был наготове, среагировал поздно. Ему пуля попала точно в переносицу.

Действовать спецназовцев учат раньше, чем голова начнет думать. И потому еще в падении Артем успел достать пистолет и, не поднимаясь, закинув руку за подоконник, дважды выстрелил в окно, добивая остатки стекла.

Но там уже, похоже, никого не было...

Глава 5

ИВАЩЕНКО

СЕМЕЙНЫЕ СЦЕНЫ

Домой Иван приехал с опозданием. Он напрасно торопил сержанта, водителя «КамАЗа», но тот и так ехал на возможном пределе скорости по довольно скользкой дороге. Не хватало еще в аварию угодить или доставить неприятности сержанту после встречи с машиной военной автоинспекции. Эти, хоть и свои, еще хуже гаишников, эти вообще долго не разговаривают. Все потому, что командир бригады не слишком считается с комендантом города. А лишение прав, когда до демобилизации парню осталось два месяца, грозит еще и тем, что он на гражданке останется без работы.

Жена уже ушла, часть только что связанных вещей отсутствовала, стало быть, направилась она на базар.

Иван выглянул в окно. Машина уже ушла. Придется добираться трамваем.

Он быстро переоделся в гражданское и поспешил на остановку. До базара добрался быстро. Но пройти на противоположный его конец между бесчисленных толп народа, которому деньги не платят, но который покупает несравненно больше, чем мог бы купить, когда деньги платили, оказалось в субботний день не так просто. Бесконечные ряды торгов-

цев из всех республик, отдельно выделенный китайский базар с удивительно низкими ценами и таким же удивительно низким качеством товара. Люди, люди, люди...

Наконец он протиснулся сквозь лабиринт киосков и прилавков к месту, где жена обычно стояла. Осмотрелся. Светланы видно не было. На всякий случай он прошел несколько раз вдоль бесконечных рядов торговцев, держащих свой товар на руках, поставивших его перед собой на коробки или прямо на землю. Не нашел. Иван уже не знал, что предположить, когда к нему подошла женщина. Он узнал ее, неделю назад она рядом со Светланой стояла.

– Здравствуйте, – сказала женщина. – А где сегодня Света?

– Ее не было? – в свою очередь спросил Иван.

– Нет, я с утра здесь. Не приходила.

Иван начал беспокоиться.

– А эти, азеры, приходили?

– Нет. Вы здорово их проучили. Сегодня не появлялись. Хорошо бы, чтобы вообще больше не появились. Нашлись бы люди, как вы, навели бы тут порядок.

Домой Иван ехал, раздумывая, куда бы могла Светлана уйти с вещами. В городе еще несколько рынков. Но не поехала же она в другой район. Там тоже есть свои азербайджанцы или чеченцы, да и местная шваль ничуть не лучше.

Открыв дверь и увидев, что жена еще не вернулась, Иван остался ждать. Беспокойство нарастало.

Уже пришел из школы младший сын, часом позже и старший заявился, и только немного погодя Иван услышал поворот ключа в замке. Пришла.

Светлана устала. Тяжелая сумка с вещами набита полностью. Ничего, значит, не продала. И настроение, понятно, соответственное.

– Куда ты ходила... Просил же подождать... – с укоризной сказал он.

Она не ответила, только посмотрела на него раздраженно, как на не понимающего простых вещей.

Он взял сумку и занес в комнату. Если Светлана не хочет разговаривать, то лучше к ней не приставать. И он ушел в спальню, стал перебирать вытащенные из шифоньера вещи – к командировке следует хорошенько подготовиться. И лучше сделать это заранее.

Иван слышал, как Светлана гремит на кухне посудой, готовя обед сыновьям. Вот устало позвала их. Обычно по субботам они обедали все вместе в большой комнате. Сегодня же она кормила пацанов на кухне. А Ивана не позвала.

Он закончил отбор вещей, которые следовало привести в порядок, когда она вошла в тесную и темную по причине низких потолков и густых деревьев за окном спальню. Села в кресло и вытянула ноги.

– Нам сегодня есть нечего. Уж не обессудь...

– Куда ты ходила? – спросил он.

– По городу моталась. По магазинам. Продавщицам пред-

лагала. Только морды воротят. Сытые стоят. А у меня после этой сумки руки отваливаются. И унижение еще какое... – Она чуть не плакала.

Иван достал из кармана деньги, которые выдал ему подполковник. Протянул жене.

Она взяла, не понимая.

– Откуда? – наконец дошло.

– Выдали.

– Сегодня же суббота. Финчасть не работает.

– Начшатаба выдал. Лично.

Только тут она увидела, чем он занимается.

– Ты куда-то собираешься? – удивилась или обрадовалась она, Иван так и не понял.

– Командировка...

Светлана минуту молчала, соображая.

– Какая командировка?

– Обыкновенная командировка. Как у всех людей.

– Куда?

– В Москву.

– Генералами командовать?.. Кому ты в Москве нужен.

Куда все-таки?

– Сначала в Москву. А потом еще куда-нибудь отправят. Земля большая.

– Чечня? – спросила она, и по голосу было слышно – вот-вот расплчется.

– Дурочка. В Чечне все кончилось. С меня там четырех

месяцев хватило.

Оттуда он привез крест на грудь, крест на могилу товарища, жившего в соседнем доме, и две пули – в бедре правой ноги и в плече.

Она задумалась. Помолчала.

– Ты почему-то считаешь, что меня только воевать могут отправить. Командировки-то бывают разные. Может, предложат куда-нибудь военным атташе поехать. Или хотя бы помощником военного атташе. Зря, что ли, учился. Вон – Женька Рахманкулов – сейчас заместитель министра иностранных дел Узбекистана...

Его товарищ и сослуживец, который закончил военно-дипломатическую академию, уехал на родину и начал большую карьеру. И Светлана не раз вспоминала Рахманкулова: вот у кого безбедное, наверное, и беспроblemное житье. Иван отвечал на это, что он не узбек, а кубанский казак, казаки же еще до революции считались войсками специального назначения. Потому и видит он себя только в российском спецназе. Другого он просто не хочет и не умеет...

До Светланы наконец дошло. Телевизор она тоже иногда смотрит и радио слушает.

– В Югославию?

– Откуда я могу знать. Это же армия. Приказано явиться в Службу. Вот и все. А там уже сообщат подробности. Даже начштаба ничего не знает.

– В Югославии война вот-вот начнется. Ты же там уже ра-

ботал. Только туда могут.

Он, конечно, понимал, что со знанием македонского языка его именно туда и должны сейчас направить, хотя Македония и выделилась в самостоятельное государство, хотя она и не конфликтует со странами НАТО, и, кажется, даже наоборот, в НАТО вступить желает. Но говорить жене, что его отправляют туда, где рядом должны скоро воевать, он не хотел.

– Конечно туда, – сказала она, подумав. – Нет, не пущу. Просто на замок посажу и не пущу.

Иван засмеялся:

– Прекрати. Ты жена военного, и этим все сказано. Моя профессия такая – воевать. И ты это знала, когда замуж за меня выходила.

– Когда я замуж за тебя выходила, я знала, что ты и зарплату получать будешь, и пенсию, когда до нее дослужишься. Я знала, что у меня дети голодными не будут. А сейчас они голодные. Случись что с тобой, о них и обо мне сразу забудут. Как нам тогда жить? На панель мне идти? Стара уже, никому не нужна.

– Прекрати...

– Не пущу...

Он встал и подошел к ней. Зажал между ладонями ее лицо, поднял кверху, чтобы в глаза посмотреть. Взгляд у Светланы тупо-затравленный, молящий о пощаде.

– Не пущу... – упрямо повторила она и протянула ему

деньги. – Иди отдай... Верни им. Не надо мне этих денег. Как-нибудь проживем...

– Прекрати, – сказал он наконец жестко, чтобы не было уже у нее сомнений в том, что он все равно поедет. – Я военный человек, а не школьник.

Светлана заплакала.

Приоткрылась дверь, и в щель просунулась голова младшего сына. Старший – недавно дверь хлопнула, слышал Иван – убежал гулять.

– Пап, мам... – без вопроса спросил он.

Иван посмотрел спокойно и даже ласково.

– Иди, сынок, на улицу...

Сын посмотрел на отца, на мать, словно просил взглядом не ругаться, не ссориться.

Дверь закрылась.

И Иван очень твердо заявил:

– Я еду, это решено. А сейчас в порядок себя приведи и пойдем в магазин ходим. Сегодня мы можем позволить себе праздничный ужин.

Глава 6

ЯБЛОЧКИН

ВЕСТИ ИЗ ДОМА

Дребезжа всем своим разбитым корпусом, подкатил джип. Ван дер Хилл вернулся из штаба.

Через полчаса через вестового позвал меня к себе в палатку. Весь наш отряд располагался в деревенских хижинах. Только командир да я жили в своих палатках, чтобы не слишком раскармливать местных блох, которые в этих хижинах готовы были друг друга поедом поест. А африканские блохи куда голоднее российских и кусаются гораздо больнее. В палатке спокойнее.

Наклонившись, я вошел. Командир отложил в сторону книжку. Кубинское издание «Партизанской войны» Эрнесто Че Гевары. Трофей. Он забрал книгу из кармана убитого кубинского диверсанта.

– Колонна идет... – сказал Ван дер Хилл. – С оружием. Через наш район.

– Данные откуда?

– Разведка донесла. Агентура из Луанды...

– Будем брать? – поинтересовался я.

– Много мелких деталей. Обсудить надо.

По тону Ван дер Хилла я понял, что ожидаются какие-то

осложнения. Более того, во взгляде его читалось, что осложнения эти напрямую касаются меня.

Я погладил по ушастой голове вертлявого щенка деревенской собаки – командир подкормил его и оставил у себя в палатке. Других собак в деревне, не спрашивая разрешения хозяев, наши солдаты съели. Этого тронуть не решались, зная, что командир на руку крут.

– Рассказывай...

– Колонна с российским оружием.

– Уверен?

– Конечно. Не в первый раз. И сопровождают ее ваши спецы. Такие же, как ты.

– Спецы или наемники?

Здесь разница существенная. Спецы – военные советники – были на обеих воюющих сторонах. То есть официально не воюющих – перемирие все-таки заключено еще в девяносто втором году, когда страна готовилась к выборам под контролем ООН. Выборы прошли, претензии к результатам были большие, и УНИТА с результатами не согласилась. После этого официально война не возобновилась, но время от времени локальные боевые действия велись. Иногда даже достаточно крупные. Более крупные, чем во времена официальной войны. Естественно, что наши советники принимали в них участие. Точно так же, как и наемники. Но согласно Женевской конвенции 1948 года наемники являются военными преступниками.

Доктор Савимби ссориться с Россией не желает. В очень сложной ситуации он вооружается как раз за счет России, как раньше вооружался за счет Советского Союза. Здесь весьма сложная и деликатная ситуация. Советский Союз гнал и гнал вооружение в Анголу – рекой, потоком. Гнал бесплатно, от щедрости своей, хотя ангольцы готовы были платить. Даже кубинцы за присутствие своих войск вывозили из Анголы тонны древесины ценных пород – красное и черное дерево. А уж об алмазах и говорить не приходится.

И ангольцев такими поставками наши соотечественники разбаловали до предела. Ни технику, ни оружие они совершенно не жалели – сказывалась вообще свойственная ангольцам беспечность. Идет отряд в рейд, берет запас патронов – чуть не на год. Возвращается назад – нести тяжело. Патроны выбрасывает. А иногда и автоматы. На базе новый дадут. Уж такого-то добра у них...

Так и жили. И подставляли без зазрения совести свои колонны с вооружением под удары УНИТА. Как правило, колонны сопровождалась русскими спецнами. Спецов унитовцы никогда не трогали. Даже извинения приносили за беспокойство.

Но с девяносто второго года официально Россия оружие поставлять Анголе перестала. Советники остались, правда, в меньшем количестве, и в большем появились в УНИТА. Но оружие продолжало поступать.

– Так спецы там или наемники? – повторил я вопрос.

– Не знаю, – честно признался Ван дер Хилл. – Но с этим мы разберемся. Я сам, по сути дела, наемник... С ними ничего не случится. Если сами на рожон не полезут... Дело в другом...

– Говори...

– В Кибале сидит военный наблюдатель ООН.

– Я слышал... Норвежец.

– Там новый месяц назад приехал. Русский...

– Интересно...

– С ним беседовал Каутотай.

Каутотай – бригадный генерал, которому мы непосредственно подчиняемся.

– О чем?

– О поставках оружия. Каутотай предлагал и нефть, и алмазы за оружие...

– Нашел кому предлагать... ООН должна следить, чтобы этих поставок не было.

Командир кивнул.

– Но поставки идут.

– По моим данным, Россия оружие Луанде не поставляет. Я специально интересовался этим вопросом.

Ван дер Хилл умехнулся и закурил крепчайшую сигарету. Настолько крепкую, что мне, некурящему, дым ударил по носу, как хороший каратист пяткой.

– В том-то и дело, что не поставляет. И представитель ООН то же самое говорит. А оружие идет. Вот и нынешняя

колонна...

– Хорошо, что от меня надо? – спросил я наконец напрямик.

– Генерал Каутотай просит тебя поговорить с русским ооновцем. Нам надо доказать, что оружие Луанде идет. И тогда мы сможем нажать на ваше «Росвооружение», чтобы и нам поставляли. Платить мы способны...

– Интересно... – задумался я. – Только как это будет выглядеть со стороны? Ты не задумывался? Получится, что я, российский офицер, работаю против своей же страны, меня сюда пославшей.

– Подумай сам! У каждой палки есть два конца. Можно как-то иначе дело проверить.

– Хорошо, я подумаю.

– И еще... Генерал сказал, что оплата тебе, в случае удачного завершения переговоров, пойдет наличными здесь же – сто тысяч.

– Недурно. Похоже, вашим очень нужно наше оружие. Сильно нравится?

– Сильно. И дешево.

– У нас говорят – дешево и сердито.

Капитан улыбнулся.

– Колоритный у вас язык! Так ты подумай...

Мы разговаривали по-португальски. А португальский язык с русским плохо совместим. Португальцам не дано понять даже в лучшем переводе, что представляет из себя Пуш-

кин или Есенин. Нам никогда не смогут доставить истинного удовольствия классики литературы с берегов Тахо. И тем не менее Ван дер Хилл меня понял. Он вообще парень понятливый.

Я ушел подумать к себе в палатку.

Я здесь не наемник, я здесь в длительной и ответственной командировке. От того, как я покажу себя, будет зависеть подписание контракта для многих наших специалистов, до этого времени работающих в большинстве своем с противоположной стороны. И представляю я здесь официально Российскую Армию – «краснознаменную и легендарную». Правда, армия и «Росвооружение» – две почти не соприкасающиеся конторы, хотя одному правительству и подчинены. И, выполняя здесь свои функциональные обязанности военного советника, имею ли я право участвовать в чем-то, что, возможно, не укладывается в интересы такой мощной структуры, как «Росвооружение»? Более мощной, наверное, чем даже наше ГРУ, потому что имеет такие финансовые возможности, которые разведчикам и не снились.

Официально – я здесь для того, чтобы обучать диверсантов из отрядов УНИТА премудростям своей профессии. Мне платят семь с половиной тысяч долларов в месяц. На руки я получаю две тысячи, остальное перечисляется в Россию на какой-то определенный счет. Значительная часть этих денег уйдет на нужды пославшей меня сюда организации. Естественно, с наемниками в финансовом обеспечении я срав-

ниться не сумею. Но им бы было и все равно – российское вооружение поставляется или нет, российские специалисты следуют с караваном или шаманы из племени мумбу-юмбу. Им гораздо проще. И при этом платят больше. Может быть, мне тоже следует слегка самому подзаработать, если возможность представляется и если эта возможность никак не вредит интересам моей армии и моей страны. На интересы «Росвооружения» мне с большой колокольни – а они в Африке тоже встречаются – начихать...

Почему же нам не поставлять вооружение и сюда, если поставляем туда? Я лично не вижу большой разницы между президентом Анголы – верным марксистом-ленинцем Эдуардас Душ Сантосом и последователем идей «великого кормчего» доктором Савимби. За что они борются – нам никогда не понять. Но если негласно поддерживаем одних и дружелюбно относимся к другим, то почему бы не помогать и той, и другой стороне?

Вечером, во время занятий по скрытому передвижению в условиях пересеченной местности, Ван дер Хилл подошел ко мне, вопрошая взглядом. Я в это время толковывал своим неграм:

– Вы же, застранны, от природы охотники и следопыты, вы незаметнее тени должны быть. А вот ты, Алехсандэр, ползешь к противнику, спрятав голову почти под землю, сам ничего не видишь, а зад у тебя на полметра над землей выделяется.

– Это у меня зад такой... – с гордостью говорит боец. – Хорошо кормят...

– Ну, – соглашаюсь я, – тогда и лови им пули по собственному желанию... Любому в такой зад выстрелить захочется... Свинцовый понос себе обеспечишь...

Над ним смеются. Он и сам смеется.

– Ну как ты, – спросил капитан, – подумал?

– Уговорил ты меня, пожиратель леопардов... Поехали к твоему ооновцу. Только я представляться не буду. Буду португальски с ним разговаривать. Чтобы сразу не сообразил. А потом посмотрим. Могу я сойти за излишне бледного португальца?

– Сойдешь. Акцент он не поймет.

Ван дер Хилл, похоже, связался вечером по радиотелефону с генералом. В пять утра я проснулся от звука двигателя. Родную «бээмпешку» я по «походке» узнаю. Сначала даже думал, что это во сне что-то приблазнилось. Выглянул – стоит посреди деревни БМП-2, ствол, как слон хобот, опустив почему-то книзу.

Капитан уже болтал с механиком-водителем. Он, похоже, вообще не знает, что такое сон. Иногда просто закрывает глаза и сидит у костра. Со стороны думаешь, что он спит, но подходишь и не успеваешь окликнуть, как он глаза тут же открывает и соображает при этом все.

– Я с тобой поеду. Может, чем помогу... – Ван дер Хилл забросил за плечо автомат. – Будем надеяться, что наши пар-

ни ни в какую историю без нас не влипнут...

Его заместитель, лейтенант-анголец, к двенадцати часам обычно бывал уже слегка пьян, и надежды на него особо возлагать нельзя. Поэтому капитан собрал сержантов и дал указания им.

Дорога предстояла дальняя – полдня мотать траву на гусеницы по территории, которую неизвестно кто сегодня контролирует, и потому капитан решил взять с собой восьмерых самых сообразительных солдат-наемников.

Мы долго тряслись, продвигаясь напрямик, без дороги, по саванне, ломая кусты и пугая диких животных своей веселящей душу скоростью и ревом двигателя. Машина самозабвенно дребезжала, как битая консервная банка, привязанная к хвосту собаки. И я только диву давался, каким образом водитель умудряется не потерять направление. При своей опытности я напрасно пытался сориентироваться. И когда мы без лишних приключений прибыли к пункту назначения, я уже окончательно убедился, что попали мы туда абсолютно случайно. С таким же успехом мы могли бы и в саму Луанду въехать, и на Луне оказаться...

Дом наблюдателя ООН нашли быстро. Двухэтажное здание из необожженного кирпича, побеленное известкой, – чисто португальский колониальный стиль. Внутренняя охрана – тоже ооновская, но почему-то без традиционных голубых касок. И через дорогу в саманной хибаре – пост солдат УНИТА. Эти вышли посмотреть на нас и о чем-то поговорили с

Ван дер Хиллом на одном из местных наречий. Я не понял ни слова. Капитан угостил их сигаретами, пока мы дожидались доклада.

Сам наблюдатель вышел к нам через две минуты. Чуть постарше меня, спокойный парень. Приятно оказалось увидеть абсолютно русское лицо среди саванны.

Сначала он представился – капитан Ставров, потом спросил о цели нашего визита. Я не стал открывать перед ним карты и ответил по-португальски, с ярко окрашенным южно-ангольским, чуть жестковатым акцентом:

– Мне хотелось бы обсудить с вами вопрос поставки Луанде российского оружия.

– Вы имеете конкретные данные об этих поставках? – сразу спросил он. – Или у вас есть только какие-то предположения? Простите, я сегодня чрезвычайно занят, видите, – показал он рукой, – машина уже стоит с включенным двигателем, поэтому хотел бы поговорить быстрее...

– Может быть, мы пройдем в дом. Я вам объясню ситуацию за пару минут.

Он зачем-то оглянулся, сомневаясь, потом кивнул.

– Хорошо, пойдемте.

Первый этаж здания представлял из себя офис, второй, видимо, был жилым. Это я сообразил по тому, что окна первого этажа защищали от солнца пластиковые жалюзи, а на втором висели почти домашние занавесочки, как в русской деревенской избе.

Капитан не повел меня в свой кабинет, а показал на большое кресло. Сам расположился в соседнем.

– Коротко, вопрос обстоит так. Мы имеем сведения, что Россия поставляет режиму Луанды оружие. Я отдаю себе отчет, что вы в данном случае защищаете здесь не интересы России, гражданином которой вы являетесь, а солидной международной организации. Но все же обращаюсь к вам не как к эмиссару ООН, а как к русскому офицеру. Я берусь предоставить вам конкретные сведения и свидетелей, ваших же соотечественников. Но эти сведения не должны стать причиной международного скандала. Вы воспользуетесь ими и своими связями и, чтобы скандала избежать, сведете наших представителей с представителями «Росвооружения». Мы в состоянии оплатить любые поставки. И знаем, что ваша страна испытывает определенные финансовые трудности. Почему бы вам не наладить сотрудничество не только с Луандой, но и с нами...

Ставров тяжело вздохнул.

– Я слышу эти разговоры по два раза в день. Но вы хоть реально представляете, в какое количество стран Россия гнала вооружение на протяжении последних десятилетий и сейчас продолжает поставлять? И любая из этих стран сейчас в состоянии реализовывать это вооружение самостоятельно. Болгария, Румыния, Польша... И еще несколько десятков стран. Каждая стремится на этом заработать.

– А если я представлю доказательства? Сопроводитель-

ные документы на оружие и сопровождающих специалистов. Живыми, естественно.

– Тогда и поговорим... – ответил он уклончиво.

По лестнице спустилась высокая блондинка. Не в моем вкусе, но... Такую опасно показывать темпераментным и несдержанным, к тому же весьма равнодушным ко всем без исключения блондинкам местным неграм – как пить дать, украдут, стоит только отвернуться. Ставров, если он привез сюда жену, парень довольно рисковый.

– Ты еще не уехал? – спросила женщина по-русски.

– Сейчас еду. От этого вот только отделаюсь. Мы уже закончили разговор.

– Поторопись. Постарайся сегодня вернуться.

– Если найду его. Мне говорили, что он служит в диверсионном отряде капитана Ван дер Хилла. А ты знаешь, что такое диверсионный отряд, – сегодня они здесь, а завтра там...

Капитан обернулся ко мне.

– Извините, – он снова перешел на португальский, только с коренным акцентом. Изучал, должно быть, в академическом варианте. – Мне надо ехать. Если у вас будут конкретные данные и свидетели, то я жду вас для беседы. Всегда буду рад.

Он протянул на прощание руку. Я с ехидной улыбкой пожал ее.

– Кстати, – сказал я по-русски, – капитан Ван дер Хилл сидит на броне БМП у ваших ворот.

Он просто сел, чуть не мимо кресла. У меня появилось желание дать ему воды с валерианкой.

– Значит, вы – старший лейтенант Яблочкин?

– Так точно, товарищ капитан, – смеясь, отрапортовал я. – Только ты сразу бы сказал, что едешь меня искать. Я бы тут же и сознался, и не говорили бы о ерунде. Меня зовут Сергей.

– Андрей, – он еще раз протянул руку.

– Что за надобность во мне?

– Мне позвонили из Москвы. Тебя срочно отзывают. Что-то там такое... Не могут без тебя, похоже, обойтись. Не наши отзывают, а твои начальники. Так что готовься к отъезду.

– К отъезду подготовиться мне недолго. Только сначала я хотел бы проверить ту операцию, о которой говорил. Добыть тебе сведения и людей.

– Что за люди?

– Наши военспецы, которые сопровождают колонну с техникой.

– Бесполезно... – сказал он. – Это уже проверено. У них у всех документы, что работают по контракту на третьи страны. Сам, наверное, знаешь, как такие документы сделать.

– Жаль, – я вздохнул. – Капитан Ван дер Хилл сильно расстроится. И операцию проводить смысла нет, и я уезжаю. Ему будет скучновато...

Глава 7

ТАРХАНОВ

ПОСТРАДАВШИЙ ИЛИ

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ?

Выждав для безопасности несколько секунд, Артем, вслед за пистолетом, сам выглянул из-за шторы, которую уже никогда больше не задвинет и не отодвинет в сторону рука хозяйки кабинета.

Внутренний дворик был пуст. Там располагались склады каких-то магазинов, сейчас, по причине вечернего времени, запертые на тяжелые навесные замки. Задняя сторона двора перекрыта дощатым невысоким забором, за которым виднеется кирпичная кладка давно уже начатой и брошенной стройки. Скорее всего киллер перемахнул через него и скрылся на этой стройке. В противоположную сторону, через арку, выходящую на оживленную улицу, здравомыслящий не пошел бы. Во-первых, Тарханов мог бы заметить спину убегающего и выстрелить, во-вторых, его могли увидеть случайные свидетели, слышавшие выстрелы Артема. Если на стройке есть сторож, то он, по всей вероятности, обречен. На улице же свидетелей должно быть много, на всех патронов не хватит. Спрятаться же во дворике абсолютно негде.

Мельком взглянув на лежащих, Артем сразу определил,

что любая помощь будет запоздалой. Тогда он поспешил выйти из тесного, заваленного телами кабинетика. Ковер уже пропитался кровью, и он постарался не наступить в нее. Испуганная продавщица, должно быть, убежала. За прилавком никого не оказалось. Артем вышел на улицу. «Мерседес» стоит на месте. Вплотную к нему пристроился тяжелый джип «Тойота-Лендкрузер», которого раньше здесь не было. На нем, видимо, приехал Валентин с «быками». Сквозь тонированные стекла показалось, что водители обеих машин спят.

На стук по стеклу Толик не отреагировал. Артем иного и не ожидал, он обошел машину с другой стороны, без звука открыл дверцу. Водитель не упал – узловатые сильные пальцы, вцепившиеся в руль, окаменели в посмертном последнем напряжении. Прямо из-под мышек торчала коротенькая рукоятка отвертки.

В джипе картина аналогичная. Но здесь стреляли. Очевидно, с заднего сиденья, потому что пуля попала водителю в затылок. А на самом заднем сиденье, откинувшись к противоположной дверце, лежит труп еще одного «быка». Этому стреляли сначала в бок, потом в голову – контрольный выстрел.

Возможно, убийца приехал с ними. Но это вовсе не обязательно. Он мог просто подойти и открыть дверцу джипа. Сидящие там так уверены в своих силах, что не ждут нападения. Сначала отвлекающий вопрос, потом, не дожидаясь ответа, выстрелы.

Артем нагнулся и поднял с пола стреляную гильзу. Калибр 7,62. Но не такая длинная, как у «ТТ». Похожа на гильзу от «ПСС». Тогда вообще звук малозаметный. Эти пистолеты встретишь только на вооружении у спецслужб. Впрочем, в киллеры сейчас перешло столько специалистов...

На улице все ясно. Тарханов вернулся в магазин, глянув по пути на арку – вход во двор, откуда и было произведено нападение. Но туда он пока не пошел. Пусть разбирается и рыскает там тот, кому положено это по штатному расписанию. В самом кабинете отдохавший «бык» стоял на четвереньках и тяжело дышал. Голову он поднял с трудом и посмотрел на Артема тупым ословевшим взглядом.

– Лежать, – резко сказал Артем и слегка добавил парню по шее рукояткой своего пистолета. Шея у «быка» действительно бычья. Известное дело, мышцы шеи накачиваются быстрее всего. Но никакая тренировка не сможет защитить от правильного удара. Парень уткнулся носом в пол. Без сознания, естественно, но – живой, и то слава богу.

Артем снял трубку и набрал номер.

– Милиция. Слушаю вас...

– Алло, милиция... Приглашение примите... Здесь гора трупов... Антикварный магазин на улице Кирова. Откуда я знаю номер... Серьезно говорю. Стрельба была.

Первая машина приехала через пару минут. Вероятно, приняли сообщение по рации. Уперли в грудь Артему сразу два автоматных ствола. Нацепили наручники. Странно еще,

что не били... Только вот «быку», достав у него из-под мышки пистолет, пару раз с богатырским размахом врезали исключительно по пузу, чтобы синяков не было. Но пресс у парня оказался крепче шеи. Или просто били спеццы не той квалификации. Оно и понятно, если спецназ ГРУ тренируется в боевых условиях, то менты больше учатся на пьяных.

Потом прикатила вторая машина, тоже патрульная и с такими же бестолковыми сотрудниками – Артему даже пришлось посоветовать им перекрыть вход в арку, чтобы кто-то посторонний не зашел во дворик в поисках туалета и не перепутал следы. И только минут через десять появилась следственная бригада.

С безропотного и терпеливого Артема сняли наконец наручники, потом его и «быка» вывели для допроса в салон магазина.

Приехал предпенсионного возраста следователь из прокуратуры с экспертами. Чуть-чуть знакомый следователь, заходивший к ним в школу охранников по поводу дела, в которое влип кто-то из выпускников. Следователь пожал Артему руку и получил за это в виде презента гильзу, которую киллер оставил на полу в машине.

– От «вальтера», – категорично заявил опер, через плечо разглядывая гильзу. – Калибр 7,65. Они ходят с разрешением на газовый «вальтер», а носят боевой. Долго ли глушитель навернуть.

– Нет, – сказал Артем, еще хорошо помнящий пистоле-

ты и патроны почти всех систем. – У «вальтера» выемка для выбрасывателя поуже. Это скорее от «ПСС». Патрон СП-4, калибр 7,62. Отечественная штучка... На которую разрешение не дают даже милиции...

Следователь покачал головой.

– «ПСС» у нас в городе еще не применялся. Это уже ваше оружие, от спецслужб...

Поскольку представиться оперу Артем не успел, только сообщил, что это он вызвал милицию, тот не мог знать о его принадлежности к спецназу и сейчас опять коротко и недовверчиво, с настороженностью стрельнул глазами в его сторону. Каждый мент в душе тоже считает себя почти спецназовцем, но настоящих спецназовцев побаивается, хотя при завистливом характере и показывает собственную власть над ними от всей полноты души, представься только случай.

Опер записывать показания Тарханова сразу не стал. Как Артем понял, он собирался составлять протокол допроса уже в своем кабинете. Сейчас же просто порасспросил в подробностях о цели появления в магазине и о самом происшествии, выслушал сообщение, стараясь не смотреть при этом в глаза. И по одному этому Артем понял, что он сам тоже относится к числу подозреваемых.

Стали выносить на носилках трупы. Когда мимо пронесли Валентина, Артем остановил следователя.

– У этого вот, – показал рукой, – был зажим для галстука. Золотой с бриллиантом. Поищите в карманах милицио-

неров.

Опер снова стрельнул колючими глазами. Отношения стали выстраиваться в прямую линию.

* * *

В три часа ночи его отпустили из отделения под подписку о невыезде. Если бы опер не видел, что Тарханов знаком со следователем, он наверняка бы постарался оформить арест. Хотя бы суток на тридцать, хотя бы для того, чтобы показать свою власть над офицером спецназа ГРУ.

Когда Артем попросил разрешения позвонить на работу, опер долго колебался, но потом все же пододвинул к нему старый и тяжелый, как камень для охоты на мамонтов, аппарат. Артем позвонил в банк, попросил прислать машину.

Сам Юрий Львович, вытащенный с какой-то презентации в ночном клубе, уже приезжал в райотдел. Нашли его только по сотовому телефону, номер которого дал Тарханов. Сначала свозили в морг на опознание дочери. Естественно, что после этого был он подавленный, растерянный, с мокрыми глазами. Опер неудачно выбрал время для проведения очной ставки с Артемом, но слишком уж хотелось менту удостовериться в том, что управляющий в самом деле давал нештатное поручение своему начальнику охраны.

Ожидая машину, он сидел на скамейке у дверей. С просьбой угостить сигареткой подкатил пьяный ветеран войны,

тоже только что после задержания, и оттого возмущенный, однако собой гордый, сурово матерящийся. Увозили его, видимо, прямо из дома, времени надеть пальто или куртку, по ментовской забывчивости, не дали, и теперь прохладной ночью он остался в одном пиджаке. Но это его не сильно смущало. Расстроился старикан лишь оттого, что Артем не курит, и пошел дальше, звеня орденами и медалями на ссохшейся груди – искать сигарету в другом месте ночного города.

Что он мог сделать? Если бы сидел там, в кабинете Яны, предположим, лицом к окну? Нет, это тоже, к чертям собачьим, не годится. Он же не мог сесть спиной к входной двери, потому что не совсем конченный дурак и не знал, кто еще за этой дверью может находиться и какой опасности оттуда ждать. Больше практически никак невозможно было расположиться. Шторы! Это – да! Шторы он обязан был задвинуть. Но чтобы сделать это – надо быть ясновидящим, яснослышающим и прочее... Он же ведь даже не предполагал, что события начнутся так рано и будут протекать так стремительно – водопад из прорванной плотины.

Не имея фактов и полного расклада сил, включившись в действие слишком поздно, как он мог предположить, что вмешается еще и третья сторона, о которой даже Юрию Львовичу ничего известно не было.

Что это за третья сторона?

Чеченская группировка?

Но Яна сказала бы, что позвонила им. Она не сказала. Значит, не позвонила. Чеченцев сбрасывать со счета не стоит, но и делать на них основной упор тоже нет резона. Какой им интерес убирать Яну? Они вошли в ее квартиру и в ее магазин. Они дали женщине пистолет для самообороны. Для чего, спрашивается? Чтобы она стреляла в них? Чеченцы – вариант слишком сомнительный, маловероятный...

Нет, это определенно третья сила. Пришла с другой стороны. Только с какой – пока неизвестно. И не верилось, что милиция сможет докопаться до истины. А вести частное расследование Тарханову пока никто не предложил. И, похоже, не предложит.

И все же он чувствовал свою вину. Он – профессиональный офицер-боевик. И не сумел защитить дочь школьного товарища, который доверил ему ее безопасность. И это ставило уже под сомнение его профессионализм, его соответствие даже нынешней смешной должности начальника охраны банка.

Машине пора было бы и подойти.

Он встал и вышел за ворота на тихую неширокую улицу. Фонари горели не слишком ярко, и фонарные столбы стояли не слишком близко друг к другу. Этот район Тарханов знал хорошо. Здесь рядом располагалось сразу несколько силовых учреждений. Через квартал от райотдела – областное управление МВД, недалеко областная прокуратура. Чуть в стороне областное управление ФСБ. Только в такой поздний

час улица была совершенно пуста и тиха. Лишь от какого-то здания на этой же стороне улицы отъехала машина и повернула налево, в сторону райотдела. Артем при неясном свете фонарей присмотрелся на всякий случай – нет, зеленых «четверок» в банке нет. И только когда машина оказалась уже почти напротив райотдела, он увидел, что номера с автомобиля сняты. И понял – не догадался, а внутренне ощутил, тем отработанным многократно чувством, что не поддается анализу и характеристике, – кто-то приехал по его душу. Медленно опускалось стекло в задней дверце. Артем делал вид, что смотрит в сторону, но видел все прекрасно. Видел, как высовываются длинные стволы охотничьего ружья, просчитал время прицеливания и прыгнул за ствол дерева почти одновременно с выстрелом. Сам он, к сожалению, был уже безоружным – пистолет Яны опер оставил у себя, и потому сразу же отпрыгнул в другую сторону. И опять вовремя, потому что второй выстрел сорвал кору со старого татарского клена. Но те люди, в машине, вероятно, не знали, что он безоружен, и, резко прибавив скорость, автомобиль скрылся за ближайшим углом.

Из райотдела, как ни странно, никто на выстрелы не выбежал. И Артему пришлось самому вернуться к дежурному капитану. Тот болтал с кем-то по телефону и встретил вошедшего неприязненным взглядом.

– Что там за шум? – спросил капитан, прикрыв трубку ладонью.

– Стреляли... – невозмутимо ответил Артем фразой из всем известного фильма. И добавил уже серьезно: – В меня стреляли. Из машины. Два выстрела из охотничьего ружья. Картечью, похоже. Или крупной дробью. Первый в вашу стену – угол разворотили, второй в дерево. Дерево больше жалко.

– Мать их... – Капитан бросил трубку и выскочил из своей стеклянной клетки. Косолапя, как пьяный клоун, пробежал мимо Тарханова, и уже через минуту его громкие матюки раздавались с улицы. Больше всего, как понял Тарханов по отрывкам восклицаний из-за двери, того волновал развороченный угол здания.

Дежурный уже включил радиосвязь с патрульными машинами.

– Внимание! Всем внимание! Неизвестные преступники только что произвели два выстрела в человека, стоящего рядом с центральным райотделом. Стреляли из автомобиля «Жигули» четвертой модели темно-зеленого цвета. Автомобиль без номерных знаков. От райотдела автомобиль свернул налево по улице Труда. Прошу принять меры к перехвату преступников. По предварительным данным, они вооружены охотничьим ружьем. Внимание! Прошу принять меры к перехвату!

– Чеченцев, кстати, проверить надо. Нет ли у них такой машины?

Тарханов обернулся на звук голоса. За спиной стоял опер,

с которым они так долго и нудно сегодня беседовали. Опер все слышал.

– Лица случайно не видели? – Вопрос или идиота, или спящего на боевом посту мечтателя.

Тарханов даже не нашел нужным ответить на такую глупость. Но снова пришлось задержаться в райотделе. Составляли еще один нудный протокол. И уже хотелось спать, что Артем умышленно демонстрировал, беспрестанно зевая.

Только к четырем закончили выяснять отношения. Банковская машина ждала сразу у въезда во внутренний двор райотдела. Тарханов плюхнулся на сиденье рядом с водителем. На заднем подремывал Валера.

– Ну, братва, дела... – сказал Тарханов. – Хотел еще к вам заехать, но силы уже на исходе. Везите домой. Отсыпаться буду.

– А что случилось?

– Много чего случилось. Убили дочь Юрия Львовича. Убили водителя Юрия Львовича. Недавно стреляли в меня. Может, хоть под вашей охраной до дома доберусь нормально, а то на ментов надежды мало.

– Счас доставим... – сказал водитель и спросил: – А кто теперь вместо Толика будет?

Тарханов не ответил. Это, во-первых, решает не он, а сам управляющий, а во-вторых, человеческое паскудство границ не имеет, и ему не хотелось даже разговаривать с человеком, который в такой момент озабочен мыслями о возможных пе-

рестановках в банковском гараже, о своих перспективах и претензиях, о желании пересесть с «уазика» на «Мерседес» и даже не скрывает этого.

На улице Кирова, недалеко от злополучного антикварного магазина, брел по улице тот старик-ветеран, что спрашивал у Артема сигарету.

– Валера, дай займы пару сигарет.

Валера протянул пачку.

– Останови.

Он вышел и угостил обрадованного ветерана. Предложил подбросить до дома, но тот отказался.

Глава 8

КАПИТАН СЛАВКО МАКАРАДЖИЧ ГРАНИЦЫ СУЩЕСТВУЮТ ТОЛЬКО ДЛЯ ТУРИСТОВ И ПОГРАНИЧНИКОВ

Небо висело низко, давило на голову. Снег шел сырой и липкий, совсем уже ненужный в весну снег. Целые сугробы ложились на ветви деревьев в окрестных богатых и обширных садах.

Маленький отряд свернул с мокрого асфальта в сады пару часов назад, еще в четыре ночи. И вынужден был оставить за собой тропу на снегу. Шли они, конечно, как волки – след в след. Сколько человек прошествовало – не определишь, если ты не ясновидящий. А уже теперь, в шесть утра, в самое подходящее время для начала охоты, никто и не подумает, что группа людей обошла селение сбоку и пристроилась на господствующей высотке. Тропу завалило настолько, что на нее уже никто внимания не обратит.

Слава удобно пристроился на груде серых камней. Снег с камней он сбросил трехпалой солдатской рукавицей и теперь, издали сам схожий с обыкновенным сугробом, наваленным на камни, просматривал нужные дворы в селении в

прибор ночного видения.

Приближалось время «ч». И по мере приближения этого условного времени нарастало нетерпение, пальцы начинали перебегать по холодному облегченному прикладу «винтореза» более жестко, цепко, словно стараясь срастись с ним в единое целое.

Волнение, присущее тем, кто впервые сидит в засаде, Слава потерял давно, лет тридцать, пожалуй, назад. И все люди из его отряда – вместе с командиром шесть человек – такие же, как сам он, прожженные и в чем-то циничные вояки, к любым подобным событиям относились хладнокровно, обыденно. Они – профессиональные «псы войны», как зовутся на международном жаргоне наемники всех стран. Четверо русских – все бывшие офицеры спецназа разных ведомств, поляк Ежи – бывший спортсмен-марафонец и полицейский из Гданьска, что-то натворивший дома и прячущийся одновременно и от полиции, и от польской мафии, и румын Думитру – начавший военную карьеру в Приднестровье против русских, а теперь воюющий в русском отряде против албанских сепаратистов. Думитру воин по крови и воюет даже не ради денег, не за тех, кто больше платит. Он воюет из любви к войне.

Они ждали рассвета, готовились к нему. И готовились к тому, что их самих здесь совсем не ждут. Каждый выбрал себе позицию, каждый проверил и тщательно изучил сектор обстрела. И теперь сжимал с нетерпением приклад своего

«винтореза», присматривался в ночной прицел. Но стрелять пока было нельзя. И вообще Слава еще не решил – следует начать обстрел отсюда или стоит сразу подойти ближе.

Эта деревня – в котловине между холмами. Но она еще и в котле войск албанских боевиков, самая середина их территории. Достаточно большим отрядом, способным выполнить поставленную задачу, сюда пройти невозможно. Только разве что в ходе крупномасштабного наступления, с поддержкой артиллерии и авиации. Но тогда не будет смысла и возможности в проведении *именно этой* дерзкой операции. Вот поэтому они и пошли сюда такой маленькой группой. Полностью отряд Славы стоит вне края Косово. Такая дислокация – предосторожность не лишняя. И так уже косовары во всеуслышанье объявляют, что на стороне сербов воюют русские наемники. И потому держаться приходится там, где нет лишних глаз и ушей.

На базе Слава ввел сверхжесткую дисциплину, вообще-то наемникам совершенно не свойственную. Даже в знаменитом «Черном батальоне» в Боснии не было такого. Капитан Макаров, или, как значился он по документам, Славко Макараджич, проводил постоянные тренировки личного состава. Как его самого когда-то гоняли и учили, натаскивали на любую ситуацию, так и он натаскивал своих боевиков. И если «Черный батальон» прославился полным отсутствием чувства самосохранения, то отдельный батальон Макараджича считали даже не боевой единицей, а «Командой

теней», невидимых и неслышных. Их так называли почти официально. Они умели незамеченными забраться туда, куда другим войскам можно было пробиться только с тяжелым боем, после сильной артподготовки, неся потери.

В сербской армии особой дисциплины вообще не было. Они, казалось, и готовились к войне с НАТО, но всегда и уверенно заявляли, что никакой войны не будет. Не верили и потому относились к своей боевой подготовке кое-как. Хотя в проведении операций в Косове и показали, на что способны. Но даже, при всей многовековой воспитанной воинственности, самая элитная сербская часть не могла тягаться с «Командой теней» Макараджича.

Приезжали сербские военачальники из тех, кому положено было знать о существовании «Команды теней». Смотрели тренировки, качали головами. Их солдаты разбежались бы от таких занятий. Зато не было такой задачи, которую «Команда теней» Макараджича не смогла бы выполнить.

Более того, местное командование знало, что эта боевая единица подчиняется не только им. Командир группы иногда получал распоряжения по спутниковому телефону и отбывал со своими парнями в глубину территории боевиков. Что он там делал, какие решал задачи – это оставалось тайной.

За сегодняшнюю ночь они совершили марш-бросок в семьдесят километров. И это по мокрому, налипающему на обувь снегу, в условиях отвратительной видимости и в окру-

жении сепаратистских войск. И сейчас лежали в ожидании зыбкого рассвета, но готовые начать операцию и раньше, если события пойдут с непредвиденным опережением. Они вообще всегда были готовы к действию.

Так и получилось. Уже чуть заметно засеребрилось хмурое небо, когда Слава издал языком едва слышимый щелкающий звук: «Смотреть на меня!» И уверенный, что его слышали, поднял руку с выставленной вперед ладонью, а потом ладонь сжал в кулак. Операция началась.

До деревни метров шестьдесят. Дистанция для стрельбы идеальная, даже если рассветет и не будешь пользоваться оптикой. Весь план селения, полученный лично капитаном по факсу, был изучен подробно. И все они знали дом, за которым наблюдать надо прежде всего. Большой дом, заметный. Всегда доставляет радость, когда начальники стремятся обеспечить себя наибольшими удобствами. Так их достать легче. Дом обшаривали три ночных прицела. Три других выполняли роль охранения, выискивая возможные подходы помощи.

Капитан подал знак, когда заметил в ночной прицел, как едва-едва, на десяток сантиметров, открылась входная дверь. Оттуда наблюдал за двором и улицей человек. Долго наблюдал, вглядываясь в темноту и в мокрый снегопад. Разобрать он едва ли что-то смог. Слишком отвратительная видимость. И тогда человек выпустил собаку. Крупная немецкая овчарка бегала вокруг дома, поддевала носом снег, пры-

гала, как жеребенок, валялась в сугробах – резвилась, как умела.

Капитан обрадовался, что не пошел к дому сразу. Собака могла легко их почуять и сорвать хорошо продуманное дело.

Через десять минут дверь открылась шире, и на крыльцо вышел высокий лысый человек в меховом жилете, перепо-
ясанном широким ремнем с подвешенной кобурой. Осмотрелся, тихо свистнул, и собака подбежала к нему. Человек взял зверину за ошейник и посадил на цепь в стороне от крыльца. Стало понятно, что скоро должен выходить кто-то, кого собака не знает. И убрали ее ради безопасности гостя.

Макаров еще раз издал щелкающий звук. Теперь уже двойной. Значит, подготовиться!

Минуты тянулись, как недели. Рукавицы сброшены, и пальцы подмерзают. И оттого сильнее сжимают «винторез». Быстрее... Быстрее...

По заваленной снегом деревенской дороге к дому подъехал джип «Тойота». Слава только слегка повел прицелом, чтобы всю обстановку оценить, но рассматривать машину не стал. Дорога – не его сектор...

Собака тявкнула. Сначала неуверенно, потом громче. Звуки доносились достаточно явственно. Снова на крыльцо вышел лысый. У него очень высокий лоб. И только с середины головы начинается жидкая поросль, сбегаящая назад. Лоб хорошо просматривается в прицел. В такой высокий лоб, зная, конечно же, предварительный расклад сил, очень

хочется выстрелить.

Лысый разговаривает с человеком, вышедшим из машины. Но тот в дом не проходит. Это водитель. Слава не смотрит на него, не пробует прицелиться. Водитель под прицелом другого члена группы и не интересуется командира – роли распределены заранее.

Лысый уходит. Минуту слышно только лающую собаку. Но вот дверь раскрывается шире. На крыльцо выходят двое. Крупные ребята, крепкие. В темных костюмах, поверх костюмов распахнутые дубленки. У одного в руках «АК», у второго хорватский «аграм» – дерьмовая машинка, годная только для бандитов, да и то при одноразовом использовании.

Время шло. Те двое, что стояли на крыльце с опущенным стволами в землю оружием, оглядывались настороженно. По одному этому ничего не стоило вычислить телохранителей. Они интереса для Славы не представляли. Наконец тот, что был с автоматом Калашникова, сказал что-то за спину. Опять появился лысый. Все в том же меховом жилете. Значит, он ехать никуда не собирается. Он провожает. И за ним, словно из-под мышек, вынырнул, появился на крыльце человек очень маленького роста, в распахнутом длинном, чуть не до земли, пальто и гладко зачесанными назад волосами, собранными в хвост.

Он! Сам в прицел просится...

«Винторез» в замерзших руках даже не подрагивал. Сла-

ва глубоко вздохнул, потом задержал дыхание, давая время мелкому спуститься с крыльца. И нажал на спусковой крючок. Едва слышимый звук снайперской бесшумной винтовки до людей около дома скорее всего не донесся. И потому они остановились, не понимая, что произошло, почему маленький вдруг споткнулся и свалился носом в землю. И только когда снег под его лицом окрасился вытекающей из раны на лбу кровью, они поняли, но было уже поздно. Еще несколько выстрелов донеслось до Славы, слившись громким шепотом. Залаяла собака. И тут же заскулила, а потом и смолкла.

Там, возле дома, никого в живых не осталось.

– Вперед! – Капитан скомандовал, когда сам уже поднялся и рывком бросился вниз по склону. План деревни изучали так подробно не зря. И потому не плутали. Выскочили на одну улицу, стремительно пронеслись до поворота и... И напали на трех людей в камуфляже. Но у офицера пистолет в кобуре, у солдат автоматы заброшены за плечо. Слава выстрелил не останавливаясь. Одновременно с ним выстрелили и остальные. Звук «винторезов» разбудить никого не мог, а эти трое, скорее всего патруль, не успели издать ни звука. Глупо попали ребята. Хотя бы слушать надо было, а не самим болтать. Ведь при быстром беге, которым передвигались «тени», не скроешь звук шагов.

Мимо пробежали, не останавливаясь. Только Ежи показалось, видимо, что шевельнулся один из косоваров. Поляк на бегу обернулся и послал контрольную пулю. Стрелять он

мастер. У албанских врачей работы не будет.

Вот нужный двор. Здесь все тихо. Они перепрыгнули через резной штакетник перед самым «кенгурятником» «Тойоты». Быстро – проверить карманы у всех. Документы собрать. Кейс мелкого – главное, за чем они пришли сюда. Теперь мелкого перевернуть, лицом к небу. Короткий яркий блик вспышки фотоаппарата. Документально надо засвидетельствовать его смерть. И того тоже – хозяина дома. В него стрелял не Слава, но, как и сам капитан думал, пуля была послана прямо в высокий лоб. Автоматизм мышления. Сходные рефлексy.

И в это время послышался крик. На крыльце стояла женщина с автоматом в руках. Слава был ближе всех, и ствол она навела прямо ему в грудь. Слава успел бы отпрыгнуть и одновременно выстрелить, но он увидел, что женщина изо всех сил уже давит на спусковой крючок, но самой очереди нет. Она не умеет обращаться с оружием. Она не сняла автомат с предохранителя. Слава не стал стрелять, хотел и ребят остановить, но было поздно.

– Проверить дом... – скомандовал капитан. – Детей не трогать.

Через две минуты они уже садились в «Тойоту», прихватив с собой карты и планы из большого дома, еще кучу различных документов, еще один кейс – набитый битком долларами, и системный блок от хозяйского компьютера.

За руль сел Думитру. Машина рванула сразу со второй

скорости, на перекрестке узеньких улиц не было возможности объехать трупы патруля и пришлось проехать прямо по ним. На войне как на войне. На большой скорости, не обращая внимания на появившиеся за ночь сугробы, они приблизились к выезду из деревни.

Перед последним поворотом Думитру резко сбросил скорость. Машину здесь знали, но излишне быстрая езда может раньше нужного вызвать подозрение. На выезде стоит шлагбаум. Рядом трое солдат. И горит свет в домике у дороги. Там – отдыхающая смена караула.

Дверцы машины открылись плавно, чтобы не напугать раньше времени, но одновременно. Выстрелы слились в один. И тут же – в четыре широких скачка – в домик, где в унисон храпят караульные. Пинок в дверь – петли к чертям собачьим! За дверью, ударил в нос сладкий запах анаши. Слава наркотики не признавал и выгнал из своей «Команды теней» хорошего солдата только за курение травки. У албанцев к наркотикам отношение лояльное. С таким противником воевать – милое дело. Голыми руками с караулом можно справиться. Снова раздался сухой треск «винторезов».

Теперь путь свободен. И надо дальше, как можно дальше оторваться по шоссе. Преследование, вероятно, будет, но не сразу. И на самом шоссе наверняка встретятся посты. Через них надо переступить, то есть пройти по трупам, потому что свидетелей, которые покажут направление движения машины, оставлять нельзя. Дорогу, естественно, усиленными по-

стами перекроют со стороны Приштины. Слава предвидел это. И потому они сейчас едут в противоположную сторону, к границе с Македонией.

Слава Макаров вместе со своими ребятами выполнил поручение сотрудника отдела наркотиков Интерпола, отставного майора медицинской службы российской армии Виктора Гагарина, более известного, когда война шла неподалеку, в Боснии, под прозвищем Доктор Смерть. Сам Доктор Смерть сидит сейчас далеко отсюда, на Урале, где отслеживает пути поставок зелья из Азии через приграничный Троицк и дальше в Европу. Но на встречу с Макаровым приедет другой человек, друг Доктора, бывший майор подразделения «Альфа», а ныне тоже сотрудник Интерпола Андрей Тобако.

Операция прошла успешно. Мелкий человечек в длинном пальто, с которым они сегодня «побеседовали», – представитель международного наркосиндиката, обеспечивающий поставку оружия косовским албанцам. И теперь «Команда теней» везла документы, подтверждающие сам факт таких бартерных сделок, – вы нам оружие, мы вам обеспечение и свободный выход на европейский рынок.

* * *

Машину они бросили, не доезжая границы. По пути встретился только один албанский пост – два человека, с которыми разобрались, даже не потеряв время на остановку.

Слава, однажды добравшийся пешком в Россию из Африки, считал, что границы существуют только для туристов, чтобы им было чем похвастаться, и пограничников, которым надо же за что-то зарплату получать.

Проблем, короче, не было. Единственно, сразу после перехода спрятали в спешно, но аккуратно вырытый тайник «винторезы», оставив при себе только пистолеты.

Люди в камуфлированной форме в приграничной с Югославией зоне не редкость. Кого тут только не встретишь. И собственно македонские войска, хотя их меньшинство. И американцы, и англичане, и канадцы, и немцы, и итальянцы. Все из войск НАТО, все в своей форме. Они себя как дома чувствуют.

Встреча с Андреем состоялась на въезде в городок Тетово. Как и было обговорено, сотрудник Интерпола копался в двигателе машины, засунув голову под поднятый капот. Дверца машины со стороны леса была раскрыта.

Слава оставил группу среди деревьев и кустов, сам вышел на дорогу. Посмотрел на номер машины. Все совпало. И тогда незаметно сунул «дипломат» с документами, винчестер от компьютера и фотоаппарат на сиденье. Подошел к водителю.

– Как, Андрей, дела? – спросил.

Тот выпрямился. На полголовы выше Славы, сухощавый, но широкоплечий. Приятно смотрится. Приветливо улыбается.

– Ты меня знаешь? Встречались?

– Едва ли... Мне про тебя Доктор рассказывал.

– Понятно.

– Документы и фотоаппарат я положил на сиденье.

– Я видел...

Этого Слава не ожидал. Человек свое дело знает.

– Обескуражил ты меня... – Слава засмеялся.

– Школу мы с тобой, капитан Макаров, схожую проходим. Так что не обессудь. Как операция?

– Нормально. И прорвались без проблем.

Он знал, что сегодня начинается большое наступление подразделений сербской армии и полицейского спецназа на базы сепаратистов. Знал даже, где завтра к вечеру должна будет, при удачном раскладе сил, находиться «Команда теней». Но если, в самом худшем варианте, расклад изменится и что-то пойдет не по плану, то «Команда теней» все равно будет там, куда он прибудет. Это обговорено.

– Значит, сегодня вечером я постараюсь быть на своей базе, – Андрей смотрел при разговоре прямо в глаза. Макаров любил общаться с людьми, обладающими таким взглядом. – И, вероятно, завтра отправлю вам самолет с грузом. Все, как заказывали...

Это было очень хорошо. За операцию, проведенную Славой и его «Командой», Интерпол расплачивался экипировкой. Кевларовые шлемы с системой локальной радиосвязи и кевларовые жилеты. Жаль только, что могут они по-

ставить исключительно средства защиты. А хорошо бы получить хотя бы пару ящиков, скажем, немецких автоматов «MP5K», специально для спецназовцев предназначенных. Но это, Слава отлично понимал, невозможно. Эмбарго до сих пор не снято. И сам Интерпол борется с поставщиками оружия.

– Ладно, – Слава протянул Андрею руку. – Мне пора... Ребята в лесочке заждались...

– Подожди, – Андрей задержал его руку в своей. – У меня для тебя сообщение. Не могу знать, насколько оно для тебя приятно. Тебя срочно разыскивает ГРУ. Они знают, где ты находишься. И пытаются по всем возможным каналам, исключая официальный правительственный, до тебя добратся. Я не в курсе, какие у тебя с ними отношения, слышал, что не слишком вы сейчас дружите. Но понадобился ты, похоже, для какого-то срочного и конкретного дела.

– Пошли они подальше... – беззлобно сказал Слава. – Я сам по себе воюю. Мне здешний климат слишком по душе, чтобы менять его на московский.

– Смотри. Мое дело передать, что просили. Только мне кажется, что эта срочность очень связана именно с этими местами.

– Почему тебе так кажется?

Тобако помолчал, теперь уже он не знал, стоит ли рассказывать Макарову о своих предположениях. Наконец решил-ся.

– Три дня назад в Каирском аэропорту я встретил знакомого. Он пересадку там делал. Тоже ваш, только он пока еще на службе. Его срочно отозвали из района боевых действий в Анголе. Почему, он не знает. Но я знаю, только не сказал ему... Он свободно говорит по-македонски. У него мать родом из этих мест. И есть родственные связи. Сережа Яблочкин, старший лейтенант, – не знаешь такого?

– Нет, не встречались. Я же после Афгана с ГРУ не работаю. А если он сейчас только старлей, то в Афгане наверняка не был.

– Я так думаю, что вам придется с ним познакомиться. Парень хороший. Мать македонка, а в Македонии стоят на-товские войска. Понимаешь. И ты – проверенный, испытанный! – рядом. Думай!

– По-нят-но... – растягивая слоги, сказал Слава. – Я, конечно, никуда не поеду. В Москве мне скучновато будет. Но, на всякий случай, дай им номер моего спутникового телефона. Запиши.

– Запомню.

Слава продиктовал.

– А теперь счастливо вернуться! – Тобако почти по-приятельски потрепал Макарова по плечу.

– Тебе того же!

Он пошел в сторону леса, раскачивая широкие плечи. Пошел медленнее, чем ходил обычно, задумчивее. Задуматься было о чем. После пленения раненого Макарова в Афгане,

после его работы в лагере диверсантов в Саудовской Аравии, Слава считал, что связь его с ГРУ полностью прервана. У него нет доказательств того, что согласился он на эту работу по договоренности с резидентом ГРУ, который вскоре погиб при бомбежке. И у ГРУ есть все основания считать Макарова предателем. Это угнетало его, хотя сам Слава знал, что дело обстоит совсем не так. И вот теперь ГРУ желает, чтобы он вернулся в строй? Неизвестно. Мало ли какие причины могут быть у Службы. Ладно, пусть позвонят, там можно и обсудить дела.

В принципе, если ГРУ начинает прорабатывать этот район, то он со своей «Командой теней» для них незаменим. Македонский язык... Слава хорошо знает только сербский, немного похуже македонский, хотя они и схожи.

Все элементарно. Он всегда готов поработать против НАТО. Он даже двумя руками за такую работу проголосует.

Парни поднялись при появлении капитана.

– Как будем отходить? – спросил Ежи. – Я лично не люблю дважды одним маршрутом передвигаться.

– А я вообще никогда так не передвигаюсь, – ответил Макаров.

– А как будем винтовки забирать?

– А мы их пока здесь оставим. Кто знает, может, они нам скоро и здесь сгодятся...

Ребята посмотрели на него внимательно. И сделали вывод: капитан встречался с каким-то человеком, и можно ожидать

крутых событий. Можно ожидать, что «винторезы» действительно понадобятся им здесь, в Македонии.

А поскольку костяк «Команды теней» составляли русские спецназовцы, в большинстве своем прошедшие многие районы боевых действий, то они в тех районах часто встречались в прежние времена с основными оппонентами советских спецслужб – с американцами, и любви к ним не испытывали. И сейчас, понимая ситуацию, были не против снова поработать против старых соперников. И вообще повоевать против НАТО – это почти предел мечтаний каждого из этих вояк. Слава дал своими словами надежду...

Глава 9

УПРАВЛЕНИЕ

РАЗНЫЕ МНЕНИЯ ПО

ПОВОДУ ОДНОЙ ПРОБЛЕМЫ

В Москве, в большом здании на Хорошевском шоссе, долго в эту ночь горел свет в одном из кабинетов на третьем этаже. Здесь, при плотно задвинутых тяжелых шторах без рисунка, сидели двое. За длинным столом для заседаний не по возрасту седой полковник перебирал бумаги в толстой папке. После просмотра он перелистывал страницы и придавливал очередную трубкой спутникового телефона, чтобы не мешала читать следующую. Пепельница перед полковником была переполнена окурками, но он продолжал курить одну сигарету за другой, прикуривая от аристократичной и консервативной по форме зажигалки «Ронсон». «Ронсон» – это не какая-то там «Зиппо», «Ронсон» – это характеристика высокого запроса и класса.

За письменным столом выглядящий моложаво сухопарый генерал неровно выпрямленной скрепкой чистил мундштук курительной трубки.

– А если все же он каким-то иным путем пойдет? – не поднимая глаз на полковника, спросил генерал. – Я его помню еще старшим лейтенантом. Он всегда избирал свой путь.

И за счет нестандартности часто из таких передраг выходил, что тебе и не снились. Вот, помню, в Никарагуа... Я там как раз тогда советником был...

— Владимир Андреевич... — укоризненно сказал полковник. — Мы же договорились...

Генерал вздохнул, нахмурился и продолжать воспоминания не стал. Он уже смирился с тем, что его заместитель, недавно назначенный на должность, по сути дела уже почти принял от него дела. Сейчас вся работа генерала Костомарова сводится к подписанию бумаг. Вопрос с отправкой на пенсию решен, и сам он вмешаться в собственную судьбу уже не в состоянии. Время генерала прошло. Да и бог с ним, со временем, бог с ней, со Службой. Пора на покой.

Полковник самоуверенно посчитал, что он все сказал почти отставному генералу, и продолжал деловито перелистывать пожелтевшие от времени страницы. Со стороны ситуация выглядела не совсем красиво — слишком уж явно просматривалось пренебрежение младшего по званию мнением старшего.

Просмотром полковник остался доволен, отложил папку в сторону и взял в руки другую, потоньше. Здесь было подшито всего несколько страниц, достаточно жестких, чтобы не покоробить вклеенные сюда фотографии. Именно их и принялся теперь рассматривать полковник. Он снова открыл первую папку, сравнил фотографию там с фотографией в новой. И удовлетворенно покачал головой, оставшись сам до-

волен увиденным. Все это полковник считал делом своих рук и гордился задуманным и уже раскручиваемым предприятием.

– Лицо у него очень подходящее, – в голосе слышалось явное удовлетворение, как похвала себе любимому. – Если бы еще челюсть чуть-чуть потяжелее – национальная черта, совсем было бы отлично. Как вы считаете?

Генерал еще раз вздохнул и промолчал.

– А главное, что в совершенстве владеет всеми местными языками. Отлично! Просто отличная кандидатура, лучшего командира группы и пожелать нельзя.

– Он четыре года работал в ихнем генштабе, – сказал генерал. И не удержался, чтобы не отомстить полковнику: – Наверно, научился. Даже ты, думаю, научился бы...

Гнусаво запела трубка спутникового телефона. Полковник быстро схватил ее.

– Полковник Стариков. Слушаю. Да. Ну-ну... Доклады-вайте. Прекрасно. Еще лучше. Так... Так... Многовато. Шум может подняться? Резонно. Только осторожнее. Так... Так... Самого-то хоть не задели? Молодцы. Продолжайте операцию.

Он с видом победителя повернулся к генералу:

– А вы говорите – поведет себя не по плану... Какое там... Сам в руки идет, горяченький...

– Доложи по порядку... – Генерал Костомаров вспомнил, что отделом пока еще официально командует он. – Как про-

шло? Как вел себя Тарханов? Какие последствия?

– Как и планировали. Ребята там работают – артисты! Когда Тарханов ночью вышел из милиции, они еще пару раз выстрелили в него. Чтобы организовать внешний вид серьезного дела. Тарханов за дерево спрятался, а они в темноте не сразу поняли. И в это дерево выстрелили. Только он опять за доли секунды до выстрела переместился. Дальше они стрелять не стали. Могла милиция появиться. Сам майор под обстрелом на ответные действия не решился...

– Как же, не решился... Глупости это... – проворчал Костомаров. – Тарханов с десяти шагов из пистолета в подброшенную монету на бегу попадает. Он эти свои штуки со стрельбой еще в восемьдесят шестом году высшему генералитету на учениях демонстрировал. Специально для этого его из Мозамбика на неделю отзывали. Лучший стрелок армейской разведки! Будь у него оружие – хрен бы твои парни ушли.

Генерал свинтил прочищенную трубку, пососал ее, проверяя тягу, и стал набивать табаком «Капитанский», из своих старых, многолетней давности запасов.

– А вот об этом следовало бы заранее предупредить, товарищ генерал, – если не зло, то с обидой сказал после долгой и значительной паузы полковник. – А то складывается впечатление, что вы просто мечтаете, чтобы наша операция провалилась.

Генерал зажег спичку и раскурил трубку, пуская большие клубы крепкого дыма.

– Это твоя операция, а не наша. Твоя, так сказать, дипломная работа. И я в нее, заметь, почти не вмешиваюсь. Более того, могу прямо и откровенно тебе сообщить, что я утвердил ее только под давлением руководства. И не одобряю твоих методов действия. Сколько человек там положили?

– Шестерых.

– Шесть человек. Я не говорю уже о мнении милиции, о возможных последствиях расследования. Пока я только могу говорить о том, что мы на своей территории ведем себя, как в тылу врага.

Полковник от такой отповеди своей уверенности, однако, не потерял.

– Можете не сомневаться, милиция останется только довольна. Это не просто шесть человек. Это шесть активных деятелей мафиозных структур. Причем один из них солидный авторитет.

– А владелица магазина – тоже авторитет?

– Она тесно связана с чеченской наркомафией. И трудно предположить, что сама ни в чем не замешана. Тот парень, что жил у нее, он не простой боевик, он голова, хоть и не первая в группировке, но голова, и его слушаются. Он многие вещи организовывал. Это данные проверенные, с компьютера ФСБ. Мы его с трудом завербовали. Долго искали, на чем подцепить. Но о своих он, к сожалению, данных не давал. И продолжал на два фронта работать. А с хозяйкой магазина он два года жил. Свои деньги на ее счету хранил.

Так что у меня нет сомнений, что девка тоже замешана...

– Хотя и нет возможности доказать обратное. А пока обратное не доказано...

– Но пожертвовать кем-то ради большего дела мы можем.

– Это ты заявляй только от своего имени.

Генерал несколько раз сердито, как паровоз, выдул большие и кудлатые облака дыма, отвернулся к окну и отодвинул штору.

– А милиция не подберется. Им не понять мотивы происшествия, а без этого невозможно докопаться до истины.

– Ладно. Многого я в нынешней жизни не понимаю, – сказал генерал. – И не мне уже решать, что морально, а за что под суд отдавать следует. Докладывай дальше. Следующий шаг?

– По плану. И тогда он просто вынужден будет согласиться. Не будет иного коридора, кроме нашего. В крайнем случае мы подключаем и запасной вариант. Тогда он прибежит к своему куратору сам, за защитой, за помощью, за спасением.

Владимир Андреевич расстегнул китель, прошелся по комнате.

– Рисковый ты человек, полковник... И плохо ты знаешь людей, с которыми работаешь. Я вот сижу здесь с тобой и думаю – что выкинет Тарханов? И если он догадается, я тебе не позавидую.

– Не могу согласиться с вами, товарищ генерал. Уж что-то, а людей я как раз и знаю хорошо. И психология майо-

ра Тарханова мало отличается от психологии любого другого человека. Она просчитывается и управляется так же просто. Здесь я могу спорить с любым долго и аргументированно, Владимир Андреевич. И кучу фактов из практики могу привести. Ведь это же тема одного из разделов моей диссертации.

Генерал махнул трубкой, как саблей, и заговорил сердито, с вызовом:

– Да плевал я на твою диссертацию... Ты за всю свою службу из кабинета не вылез. У тебя в организме металлов ровно столько, сколько туда божеской химией заложено. И невозможно тебе понять человека, который много раз и прострелен и прорезан. У воевавшего – свинцовый дисбаланс в организме, пулевое отравление мозга. А ты со своей диссертацией не знаешь даже, что это такое – психология воевавшего, психология диверсанта. Он, такой человек, ни под какие твои заумные выкладки не подходит.

Владимир Андреевич снова отвернулся к окну.

Полковник посмотрел в спину генералу с улыбкой, с которой интеллектуал смотрит на не слишком сообразительного вояку, зная, что трудно доказать что-либо этому старому пердуну.

– Ладно, товарищ генерал, не будем спорить. А операция уже идет полным ходом.

Глава 10

ТАРХАНОВ

СТАРЫЕ ОБИДЫ

Подъехали к дому. Артем не разрешил Валере – кстати, выпускнику школы охранников, где Тарханов раньше преподавал, – проводить его до квартиры.

– Не пенсионер, хоть и на пенсии...

Но, уже почти поднявшись к себе, выглянул из подъездного окна между вторым и третьим этажами. Машина все еще стояла у тротуара. Валера подстраховывал, высунув голову через приоткрытую дверцу и прислушиваясь. Парень работает всерьез и правильно, хотя никто его вести охрану не уполномочивал. И Тарханов был при этом уверен, что пистолет с досланным в патронник патроном Валера держит в руке, указательный палец на спусковом крючке, а большой лежит на предохранителе – готов ко всяким неожиданностям после странных выстрелов у райотдела.

Тарханов помахал на прощание рукой: все, дескать, в порядке, поезжайте. Машина медленно и неохотно тронулась, снова пересекая лужу.

Едва Артем начал вставлять ключ в замок, дверь отворилась. Жена ждала его, казалось, сразу за порогом. Волновалась. И глаза заметно опухли. Плакала.

Марина молча и сурово смотрела, как он устало разувается, слышно тянула носом – вынюхивая или запах алкоголя, или отголоски женских духов. Характер у жены такой... Что было в молодости, то продолжается и сейчас.

Артем прошел на кухню, достал из холодильника бутылку минеральной воды, открыл ее и налил стакан. Марина последовала за ним и наблюдала из маленького коридорчика, как он жадно пьет.

Он выпил всю бутылку. Посмотрел на Марину с улыбкой, добродушно, хотя улыбаться ему сейчас совсем не хотелось.

– Извини, позвонить просто не мог. Тут такие дела пошли. Обстоятельства...

– У тебя всегда обстоятельства. – А голос типичный для школьной учительницы, кем она в действительности всю сознательную жизнь и работала, пока не вышла на инвалидность.

– В милиции был. У Юры дочь убили и водителя его «Мерседеса». Ее застрелили, а его отверткой в сердце.

– Боже... – в ужасе вскинула Марина ладони к щекам. – Как? За что?

– Если бы знать... Дочь-то вообще на моих глазах. Я в кабинете у нее был. Юра попросил. У нее какие-то разборки с мафией. Я и подстраховывал. И через окно – и ее, и парней из мафии тоже – перестреляли.

– А ты? – спросила она испуганно.

– Я за стену отскочить успел.

Марина – тоже постоянный вариант семейной жизни – от испуга стремительно перешла к агрессивности. Руки сжались в кулаки и заходили синхронно в такт каждому слову, голова вскинулась.

– И куда ты все время лезешь, и куда ты лезешь!.. Разве это твоя работа? Сидел бы себе в банке и сидел.

– Перестань, – сказал Артем и прошел мимо жены в комнату. Она этот его тон хорошо знала и потому сразу замолчала.

Спать хотелось невероятно. Казалось, что можно на ходу заснуть. Он вдруг вспомнил годы службы, когда во время проведения каких-то операций спать доводилось от силы часа по два в сутки. Да и то не сразу два часа, а урывками по пятнадцать минут. И так на протяжении недели, а то и двух. Как тогда выдерживал – уму непостижимо.

* * *

Глаза сами собой открылись и посмотрели на настенные электронные часы. Они показывали, что вставать пора. Эта привычка человека военного – иметь собственный будильник в голове – выручала и в гражданской жизни.

Артем встал, прошел на кухню и поставил воду для кофе. Начал делать зарядку. Но не успела вода еще закипеть, как звонок в дверь заставил его надеть халат и выйти в коридор. Он, посмотрев на часы, почему-то подумал, что это прие-

хал Юрий Львович, который, по мнению Тарханова, вообще не должен нынешней ночью спать. Приехал поделиться со школьным товарищем болью и расспросить подробнее, что и как произошло в магазине. И потому Артем сразу открыл дверь, даже не посмотрев в «глазок» на пришедшего, как это делал обычно. За порогом стоял капитан первого ранга Василий Афанасьевич и улыбался, как утреннее спокойное море.

– Раненько я... Не разбудил?

Тарханову ничего не оставалось, как посторониться и молча, даже без вежливого приветственного кивка, пропустить незваного гостя.

Капитан первого ранга разулся, снял форменный парадный плащ, поправил узел галстука и прошел на кухню. Тарханов угрюмо прошествовал за ним.

– Кофе будешь?

– Если не затруднит...

Артем долил воду в кофейник.

– Чему обязан? – спросил он, повернувшись к гостю.

– Я несколько дней до тебя дозвониться не могу. – И пауза в ожидании реакции хозяина.

Тарханов промолчал. Пауза затянулась и стала тягостной. Но тягостной только для гостя, потому что хозяин не отвечал умышленно. И оба знали это.

– Спишь, что ли, еще? Дозвониться, говорю, до тебя не могу. Несколько дней уже.

– А мне так скучно было без твоих звонков. Давно не виделись, что ли?

– Трудно с тобой общаться. Ты хоть бы для приличия спросил, к чему такая срочность и неурочность. Или совсем уже не интересуешься Службой?

– Совсем не интересуюсь. После того, как Служба не поинтересовалась моим мнением и меня выбросила, неужели ты думаешь, что она может надеяться на взаимность?

– Обидчивый ты, брат. Не Службе ты стал не нужен, а каким-то людям. На всех не угодишь. Времена такие были. А теперь другие настали.

Тарханов вздохнул.

– Ты в который раз повторяешь мне это? Не надоело? Я же свое мнение сказал давно. И мы договорились, что беспокоишь ты меня раз в месяц. Не чаще.

Капитан первого ранга посмотрел в коридор, прислушался. И сделал это весьма заметно, почти демонстративно.

– Понимаешь, дело такое... Опять ты, товарищ майор, стране понадобился. Именно ты, а не просто кто-то со стороны.

– Мой поезд ушел. – Тарханов оставался тверд. – И страна тут ни при чем. Давай лучше обойдемся без высоких фраз. Просто кому-то надо что-то такое сделать, чтобы лишнюю звездочку получить или должность. Вот и затевают очередную историю на чужой крови.

– Тема, кто там пришел? – крикнула из спальни Марина. –

Юра?

– Я сейчас... – сказал Артем. Ему не хотелось кричать через всю квартиру, и потому он ушел в спальню, чтобы поговорить с женой.

Вернувшись, застал Василия Афанасьевича уже обувающимся в коридоре.

– Ладно. Не принимаешь ты сегодня гостей. У меня тоже со временем туго. Так что побегу. Но ты подумай. Есть возможность возвращения на службу. Глядишь, и звездочку подбросят. Все пенсия будет потом не майорская. И выслуга добавится.

Тарханов промолчал и закрыл за ранним гостем дверь. Внутри все клокотало. Вновь вспомнилась старая обида, когда его попросту вытурили из армии. А сейчас хватились, поняли, видите ли, что сокращали не тех, кого следовало.

Он, конечно, понимал.

В Югославии творится черт-те что... Не в той Югославии, где он четыре года готовил офицерские отряды диверсантов, а в ее остатках, которые и в таком раздерганном виде не дают кому-то покоя. И эти уже остатки пытаются разорвать, уничтожить. И он нужен сейчас как специалист по Югославии. Возможно, нужны его старые связи.

Что греха таить, сам Артем уже несколько раз в мечтах обращался в ту сторону, представлял, что снова он там, что снова он помогает. И не просто готовит диверсантов, он сам участвует в боевых действиях, которые вот-вот могут на-

чаться. Выпуски «Новостей» он старался смотреть и слушать ежедневно именно из-за этих даже несколько больных для него лично событий.

Но одно дело, когда он сам, по собственной воле. И совсем другое, если его желают опять использовать, а потом, как уже случилось, выбросить.

«Спокойно, майор, – сказал он себе, – Спокойно. Сейчас все равно не до того. Сейчас следует здесь разобраться. Здесь очень трудно разобраться, но разбираться следует».

Так и не возобновив зарядку, Артем выпил сразу двойную порцию кофе – за себя и за каперанга, который почему-то не пожелал принять угощение. Кофе, естественно, не успокоил, но голову после бессонной ночи несколько прояснил.

И сразу вспомнился вчерашний вечер, в деталях проработал он раз, и два, и три все происшествие в кабинете Яны. И снова пришел к выводу, что его вины в случившемся нет. Только кому он это сможет доказать?

Следующая нестандартная ситуация.

Милиция. Не шибко умный опер и дурацкий допрос – как с подозреваемым с ним разговаривали. А потом не менее дурацкое покушение в самом центре города, на виду почти что у ментов.

Артем прогнал перед мысленным взором и эту картину. Прогнал снова трижды и каждый раз спотыкался, каждый раз что-то там было не так.

Пришлось заварить третью порцию кофе, а потом и чет-

вертую. Даже голова уже стала изнутри распирается, словно надутый горячим воздухом шар. И только тогда он понял. Покушения на него не было! Это чья-то дурацкая, непонятную цель преследующая затея.

Да, сам он действовал точно и четко, как следовало бы действовать. И, видимо, потому сразу не обратил внимание на то, что первый выстрел никак не мог достать его. Картечь или дробь – чем там ружье было заряжено? – прошла на полметра выше головы. С такого-то расстояния...

Если человек берет в руки ружье, это уже предполагает, что он умеет с ним обращаться. Но настолько промахнуться метров с десяти-двенадцати – невозможно.

Что это значит?

Первый вариант. Это может значить, что его просто хотели припугнуть. Но пугают тех, кто что-то знает. А он не знает ничего. Он вообще включился в действие слишком поздно. Отпадает.

Второй вариант. Он что-то знает, но что именно – забыл. И это относится совершенно к другому делу, к иной ситуации. Но если он это забыл и кто-то боится, что он вспомнит, то проще было бы его убить по-настоящему. И такой подход, выходит, нереальный.

Третий вариант. Кому-то показывают, что на него – Тарханова – совершено покушение. Стоп... Стоп... Стоп... Кому-то показывают, что он сам инсценирует на себя покушение. Только так можно на это дело смотреть. Но кому? Кому

показывают? Естественно – милиции. Даже слепой следователь в состоянии понять, что стреляли слишком высоко. А для чего бы он сам мог инсценировать это покушение? Для того, чтобы снять с себя подозрение. Исходя из обратного, это косвенное подтверждение его вины.

Выходит, его подставляют!

Интересно! Очень даже интересно. А кому же надо его подставить? С просьбой вмешаться в это дело обратился Юрий Львович. Он? Но тогда получается, что он и свою дочь подставлял? Ерунда! Возможно, что подставили самого управляющего. Через него действовали. Или действовали через Яну, чтобы она была связующим звеном. Тогда ниточка оборвалась, и концы найти будет трудно. Возможно, и на саму Яну действовали через кого-то. Через чеченцев? Вариант, но не обязательный. А вообще странно как-то получилось, что чеченцы не оказались на месте событий. Яна ничего про них не сказала. Хотя, учитывая первое к ним обращение, учитывая то, что именно чеченцы вооружили ее, и теперь она должна была бы поступить точно так же – с ними должна в первую очередь связаться. Надо было бы спросить об этом. А он не спросил. Значит, здесь второе упущение. Первое – незадвинутая штора, второе – это. Но почему же она не связалась с чеченцами? Или их просто в городе не было? Телефон не отвечал? Не знает других телефонов? Вообще обрыв на линии? Нет, она бы сказала. Возможно, просто решила положиться на человека, которого нашел по ее

просьбе отец? Возможно.

Время подошло собираться на работу. Тарханов оделся, как всегда, тщательно, прицепил на ремень за спину поясную кобуру.

Позвонили в дверь.

* * *

Как договорились еще ночью, Валера за час до начала рабочего дня заехал за Тархановым, который после вчерашней выпивки свою старенькую машину оставил возле банка.

– Как ночь? – Начальник охраны обязан поинтересоваться, как прошло дежурство.

– Обычно.

Это само собой. Потому что, случись что-то необычное, ему поспать бы не дали даже ту малость времени, что он для себя выкроил.

– Юрий Львович не звонил?

– Пока нет.

– Он же теперь без водителя...

– Кого-нибудь посадят. «Мерседес» и без водителя не застоит.

Артем в голосе охранника слышал напряжение. Наверняка вся смена обсуждала событие, о котором Валера не преминул рассказать со слов Тарханова. Кто-то, возможно, и знакомых тут же обзвонил, выясняя подробности, – у охран-

ников в органах всегда связи. Значит, теперь придется слушать разговоры за спиной и чувствовать, как стихает общая дискуссия, когда ты заходишь в комнату.

Уже в дверях банка дежурный сообщил:

– Только что звонил управляющий. Просил вас, как только появитесь, срочно к нему приехать.

– Хорошо, – сказал Артем, но сначала прошел к себе в кабинет. Обжегшись на молоке, как говорится, на водку дуют. И он взял служебный пистолет.

Его машина стояла там же, где он оставил ее еще вчера после обеда. Под приглядом банковской охраны – удобная, безопасная и к тому же бесплатная стоянка. Артем выехал на улицу. До дома управляющего езды всего-то три-четыре минуты, и потому он не спешил. Он не знал, как вести себя в такой ситуации с Юрием Львовичем...

Тяжелая бронированная дверь на четвертом этаже полнометражного дома оказалась распахнутой. Заходить сразу, без предупреждения, показалось не совсем удобным, и прежде чем переступить порог, Артем коротко нажал на кнопку звонка. Юрий Львович вышел к двери справа, из короткого, но широкого коридора на кухню. Небрит, с опухшими мутными глазами, пахивает перегаром, одет небрежно.

– Не разувайся, – чуть качнувшись, сказал он, когда Тарханов прислонился к стене рядом с вешалкой, желая расшнуровать ботинки. – У нас сегодня много народа будет. Все равно натопчут. Пойдем на кухню.

Артем двинулся за хозяином, глядя в его рыхлую спину, такую беспомощную, вызывающую сейчас жалость точно так же, как вчера еще вызывала раздражение.

Они сели за стол, где красовалась початая бутылка какой-то дорогой импортной водки и, что совершенно не похоже на хозяина, не оказалось даже кусочка хлеба для закуски. Юрий Львович налил по полстакана.

– Не верю, – тихо сказал он. – Никак не могу поверить... Давай-ка, Артем, выпьем за то, чтобы это был просто сон. Проснусь, пот со лба вытру, и все. И все по-прежнему пойдет.

Артем сначала хотел отказаться, сославшись на то, что он за рулем. Но промолчал.

Вкратце все события Юрию Львовичу были известны со слов ментов. А наедине поговорить им ночью опер так и не дал. И попросил все рассказать подробно с самого начала.

Юрий Львович в лад и не в лад словам кивал головой, как японский болванчик. И непонятно было, слышит ли он то, что слушает, или мысленно находится сейчас в каком-то ином измерении, недоступном для постороннего человека.

Может быть, он вспоминает дочь лопочущим ребенком, потом школьницей, студенткой... Тарханову – постороннему, хотя и сочувствующему, хотя и причастному – было все это сейчас недоступно, но он понимал сидящего против него человека и ощущал к нему острую человеческую жалость.

Артем не стал говорить о том, что в него самого – всерьез

или инсценировки ради – стреляли сегодня ночью. А Юрий Львович все продолжал кивать головой. И кивал бы он так еще, возможно, долго, если бы не зазвонил телефон.

Хозяин вышел в коридор. Там, прежде чем снять трубку, усталым шепотом сказал что-то вышедшей на звонок жене, и она, шаркая ногами, ушла в комнату, не пожелав даже поздороваться с Тархановым. Юрий Львович разговаривал недолго, отвечал коротко, но по ответам Артем понял, что звонили из банка.

– Ладно, Артем, давай еще по сто грамм, и поезжай. Спасибо, что заглянул...

Он налил водку, и Тарханов опять не посмел отказаться.

Артем вышел на лестничную площадку. Хозяин даже до дверей его не проводил, так и остался сидеть на кухне перед бутылкой, почти не слыша и не понимая происходящего, погруженный в свое горе.

У подъезда, рядом с машиной Тарханова, стояла другая банковская машина. Валера сам сидел за рулем. Увидев шефа, он раскрыл дверцу и, оглядываясь, торопливо двинулся навстречу.

Стоп!.. Мысленно Тарханов затормозил ситуацию. Появление охранника резко смутило его. И сразу промелькнули в голове мысли, выстроившиеся в цепочку, – ночью вызвал машину из банка, а приехала машина с «охотниками», Валера же опоздал на десяток минут. Сейчас Валере делать здесь абсолютно нечего, но он здесь, он идет навстречу Артему –

зачем? И, не требуя команды, автоматически, глаза, когда-то специально и долго тренированные для этого, рассеянным взглядом охватили весь двор – нет ли поблизости какой-то опасности. Сосредоточенный взгляд человека видит только то место, куда он устремлен. Но стоит взгляд рассеять, как можешь видеть вокруг на сто восемьдесят – двести градусов. Не так хорошо и четко, как при взгляде прямо, но все же достаточно, чтобы оценить или предотвратить опасную ситуацию. Это удастся не сразу – нужны месяцы обучения, но потом такая зрительная оценка ситуации срабатывает самостоятельно, не дожидаясь команды мозга. А рука уже приготовилась скользнуть за спину под пиджак – отстегнуть клапан кобуры и достать пистолет.

– Артем Петрович, – Валера чуть не с разбега взял его под локоть. – Проблемы у вас.

– Что такое?

– Ваша жена звонила, – Валера сделал впечатляющую паузу. – Дома, только мы утром уехали, был обыск. На кухне под столом нашли пистолет. В тряпочку завернут. Она его никогда раньше не видела. Говорит, что менты подбросили. А сейчас они в банке сидят. Вас ждут.

– Дома – пистолет?.. – Тарханов даже напрягся оттого, что сразу все понял. – «ПСС», я полагаю...

– Не знаю...

– Зато я знаю, кто его принес. Принес и убежал, даже кофе попить не пожелал. Прямо перед твоим приездом. Молодец,

капитан первого ранга! Знает, что делает.

Все просматривалось настолько ясно, и операция, проведенная против него, была осуществлена так грубо, что даже сомнения не возникло: его подставляют свои же – Служба.

Зачем им это? А затем, чтобы Тарханов ударился в бег, чтобы Тарханов прятался. А поскольку прятаться бесконечно он не может, он пойдет по инстанции искать справедливости. Именно в Службу, которой лучшие свои годы отдал, пойдет с просьбой помочь ему. Именно к капитану первого ранга Василию Афанасьевичу – или Африкановичу, как его Валера назвал – и обратится.

Кто он вообще такой, этот Василий Афанасьевич? Ну, работал в разведотделе флота. Просидел всю жизнь за бумагами. Но подобное сидение не дает возможности разбираться в ситуации так, как это может человек, чья служба проходила при экстремальных обстоятельствах, человек, которого специально учили в этих самых экстремальных обстоятельствах существовать и воевать, анализировать, вычислять и на основе своих выводов действовать. Ни один штабной план не может предусмотреть всего того, что приходится делать самому спецназовцу в ходе его выполнения. И теперь какой-то Василий Африканович толкает его опять в такие же обстоятельства, толкает грубо и бесцеремонно.

– Спасибо, Валера, – сказал Тарханов. – Значит, у меня прибавляется работы. Сделаем так. Забери мою машину. Вот ключи. Вот еще ключи от гаража. Поставишь туда. Я пока

возьму банковскую. Надо кое-какие дела срочно сделать. Потом к банку подгоню и поставлю с торца. Заходить не буду. Ребятам скажи, чтобы забрали. Ментам про машину, естественно, ни звука.

– Артем Петрович... – Валера секунду посомневался. – Может, помощь какая-то нужна?

– Нет, здесь работа другого уровня. Впрочем... Домой мне появляться резона нет. С семьей я через тебя общаться буду. Позвоню, если что-то понадобится. И еще. Поскольку к своему компьютеру я подобраться не могу, мне нужен человек, у которого компьютер подключен к Интернету.

– Есть у меня парень. Настоящий хакер. Если хотите, познакомлю. Он даже спит в обнимку с компьютером. И знает о нем все от начала до конца.

– Договорились. Как надо будет, я позвоню. Еще... Мне надо бы сотовый телефон. Привези-ка служебный. Через пару дней я верну. И записную книжку со стола захвати. Белая такая, длинненькая. Хотя лучше сгоняй ко мне домой, там у меня другая книжка. В правом ящике стола. Жена тебе отдаст. Служебную не надо.

Глава 11

УПРАВЛЕНИЕ СОСТАВ ФОРМИРУЕТСЯ

Утром полковник Стариков начал звонить домой. Анодированные стрелки больших настенных часов в кабинете еще и восьми не показывали, а телефон уже был безнадежно занят. Но полковник обладал выдержкой каменного ушастого идола с острова Пасхи и даже не усилил нажим пальцев на кнопки аппарата. А когда наконец на другом конце провода нашлось время и на то, чтобы его выслушать, он, сюсюкая, словно разговаривал со стандартно сердитой, но горячо любимой кошкой, сообщил жене, что приедет только поздно вечером – работа...

Генерал знал, что жена у полковника на двадцать два года моложе его, и представлял, какие проблемы могут возникнуть в семейной жизни вследствие этого, тем более что Старикову и в тот недолгий срок работы в отделе частенько доводилось ездить по командировкам, а порой вынужденно и в управлении ночевать. Сам же генерал теперь никуда уже не звонил. Жену похоронил полгода назад, сейчас боль поутихла, хотя первые недели после похорон дались ему, говоря честно, трудно. А месяц назад похоронил старую и верную собаку. И теперь в большой квартире на Волгоградском

проспекте его никто не ждал, никто не ставил по нескольку раз за вечер чайник на плиту, и никто не подносил к креслу звенящий застёжкой поводок с ошейником, требуя немедленной прогулки.

Если Служба того требовала, генерал мог не спать сутками. У полковника же, той школы, что генерал, не прошедшего, вид был измученный, и лицо к утру приобрело цвет лимонного кружочка, несколько раз побывавшего в стакане со свежесваренным чаем. Однообразное перелистывание личных дел утомило. Количество выписок в служебный блокнот увеличилось настолько, что полковник к утру начал путаться.

Генерал следил за этими выписками с раздражением. Вот, говорят, что сейчас не только служебные, уже и государственные тайны становятся достоянием гласности. И удивляются сдуру, откуда такое происходит? А как же им не стать таковыми, когда человек, в будущем ответственный за соблюдение этих тайн, без пяти минут начальник отдела, делает в простой блокнот выписки из совершенно секретных документов. Но опять ничего не сказал полковнику, чувствуя второстепенность своей роли предпенсионного ворчуна.

Телефонный звонок заставил Старикова встрепенуться. По спутниковому ему должны были звонить в это время только из одного места...

– Полковник Стариков. Слушаю!

Из другого города докладывали.

– Так... Так... Прекрасно... Прекрасно... Теперь будем ждать продолжения. Как считаете? Ключнул? Не забудьте подстраховать, чтобы его в самом деле не арестовали... А то вся работа понапрасну... Хорошо... Как появится результат, сообщите сразу. Я буду ждать...

Он устало положил трубку и посмотрел на генерала почти торжествующе.

– Как камень с горы катится... – сказал, чуть не хвастаясь. – Теперь уже не остановить.

– Комок грязи, а не камень, – ответил генерал. – Докладывай.

– Василий Афанасьевич утром посетил Тарханова. Сделал ему прямое предложение. Тот, как и предполагалось, резко отказался. Очень обижен на Службу и простить не может своего увольнения.

– Еще бы ему не быть резким. Тем более после такого вечера и после такой ночи.

Полковник пропустил фразу мимо ушей.

– Василию Афанасьевичу удалось оставить под столом на кухне пистолет «ПСС», из которого и производилась стрельба. Экспертиза покажет, что оружие то самое. После этого, по заданию Василия Афанасьевича, его человек в райотделе милиции обратил внимание кого положено на высоту выбоины в стене. Там обсудили и пришли к выводу, что покушение было подстроено самим Тархановым, чтобы отвести от себя подозрения. А если человек отводит подозрения, зна-

чит, ему есть что скрывать. Как только Тарханов уехал на работу, сразу провели обыск на квартире. Пистолет нашли. Самого майора заблаговременно предупредили, и он скрылся. Теперь следует ждать, когда он самостоятельно заявится к Василию Афанасьевичу для получения инструкций. Тогда уже будем скрытно вывозить его в Москву.

– А если он поймет, откуда взялся пистолет?

– Понять он не сможет. Он может только предположить. Но Тарханов не тот человек, который будет действовать, не проверив факты. А их проверить он не в состоянии. Ведь подсунуть пистолет могли и сами менты во время обыска.

– Посмотрим, посмотрим, что сможет Тарханов проверить и чем это обернется. – Генерал, казалось, был даже расстроен, что пока операция проходит строго по плану, придуманному будущим начальником отдела.

Полковник Стариков заметил это и усмехнулся.

Рабочий день начался. Дежурный принес сводку, несколько раз заходили с бумагами на подпись. А они все продолжали ждать сообщения о дальнейшем ходе операции.

Генерал позвонил в буфет и заказал завтрак на двоих, когда снизу, из отдела кадров, сообщили, что прибыли по запросу два офицера из частей.

– Пошли кого-нибудь из отдела встретить, – приказал генерал.

– Сам схожу, – коротко ответил Стариков. – Мне с этими людьми работать, я их должен знать.

Стариков вышел из-за стола и смешно дважды полуприсяс, выставляя перед собой руки, – имитировал элемент зарядки. Выглядело это уродливо и забавно для генерала, который и в свои пожилые годы десяток раз свободно подтягивался на турнике, и, когда за полковником закрылась дверь кабинета, Владимир Андреевич не удержался и сказал вслух:

– Образованный, говнюк... Кандидат психологических, мать его, наук... Посмотрел бы я, как ты по чужим тылам со своей психологией поползал вместе с Тархановым. Тогда бы она в психопатию у тебя превратилась...

Он достал трубку и набил ее табаком. Раскурил со смаком, со злостью. В последнее время побаливала грудь в межреберье, дважды простреленная еще в молодые годы, в корейскую войну, когда генерал был простым офицером-спецназовцем, и он впрямую связывал эти боли с курением. Но курить тем не менее бросать не собирался.

Полковник вернулся минут через десять. Открыл дверь, заглянул и спросил, показывая при посторонних свое трепетное отношение к субординации:

– Разрешите, товарищ генерал?

– Заходите, – генерал ответил деловито, подыгрывая полковнику. Если наедине он и позволял себе резкие высказывания, то при посторонних авторитет будущего начальника отдела ронять не желал. Что ни представлял из себя сам полковник, службу старый вояка всегда ставил выше личных отношений.

Стариков вошел первым, за ним капитан и старший лейтенант, оба в десантной форме. Офицеры вытянулись по стойке «смирно», сделали по шагу вперед, готовые к докладу, но Владимир Андреевич махнул рукой:

– Ладно, ладно, ребята... Доложите потом полковнику... Проходите, садитесь.

Офицеры прошли, чувствуя себя в генеральском кабинете явно неуютно, чуть смущенно отодвинули стулья, сели. Полковник остался стоять у них за спиной, только отодвинул в сторону гору папок с личными делами спецназовцев.

– Как служится? – Генерал поинтересовался только для вежливости. Он вообще сейчас чувствовал себя чуть не свадебным генералом. Действительно, он эту операцию не разрабатывал, он ею не командует. Но об этом пока знать не следует никому со стороны.

Офицеры сразу не ответили, переглянулись.

– Тяжело служится, товарищ генерал, – наконец сказал капитан. – Зарплату не получаем. Мне вот командир, чтобы сюда отправить, у родственников занимал деньги. Сам и отдавать будет. Какая уж тут служба, когда только и думаешь, чем детей накормить.

– Да, это я знаю, – сказал генерал. – А у вас как? – спросил старшего лейтенанта.

– А я издалека. Только что из командировки. Две недели, как меня отозвали. Добираться оттуда долго. С нашими местными условиями еще не слишком тесно соприкоснулся.

Потому судить обоснованно не могу.

– И это я знаю. А там, у них – как?

– Если говорить просто, то – жарко. А если подробнее... Там в чем-то еще хуже, чем у нас, а в чем-то получше. С деньгами, по крайней мере, проблем не возникает – долларами платят, но вот обстановка... Морально себя нехорошо ощущаешь. Не поймешь порой, за кого воюешь, против кого... И с одной стороны наши, и с другой стороны. Как тут себя вести?..

Генерал постучал трубкой о пепельницу, выбивая табак, минуту помолчал. Странно, но он, обычно вникающий во все детали, дотошный и тщательный, сейчас не знал даже, о чем ему говорить с офицерами. И потому пауза затянулась.

– Ладно, – генерал наконец поднялся, протянул руку, – познакомились для начала. Полковник Стариков введет вас в курс дела. Он – непосредственный руководитель операции. Командир группы пока не прибыл. До его утверждения будете проходить индивидуальную подготовку на базе. До свидания.

Офицеры двинулись к дверям. На середине комнаты тот, что жаловался на невыплаты, остановился. Посмотрел на стену, почти полностью занятую подробной картой Югославии. Множественные пометки цветными карандашами свидетельствовали, что с этой картой тщательно работают.

– Товарищ генерал, вопрос разрешите?

– Слушаю.

– Туда? – показал старший лейтенант на карту оттопыренным большим пальцем.

– Почти туда... – за генерала ответил Стариков.

А генерал подумал, что такой вопрос может позволить себе только офицер спецназа. Общевоинской офицер к генералу с таким вопросом не обращается.

* * *

Владимир Андреевич вернулся за стол и стал перелистывать одну из папок, потом другую. Всего папок на столе было двадцать две. Двадцать два кандидата. Группа же по плану полковника Старикова должна состоять из четырех человек. Отсеивать кандидатов полковнику помогал генерал, потому что многих спецназовцев, задействованных в разное время в различных операциях, проводимых его отделом, он знал лично – планировал и утверждал планы, отправлял, поддерживал связь, контролировал выполнение, принимал.

Основной критерий при нынешнем отборе – знание языков. Компьютер в отделе кадров выдал двадцать два офицера. Из них только двое до настоящего времени остались на службе в ГРУ. Но один из них в дальней сложной командировке. Эту проблему удалось решить довольно быстро – отозвали. Кандидата на должность командира группы генерал предложил сам, но сразу же и предупредил полковника, что в глаза этому человеку он посмотреть постесняется, потому

что когда-то Служба очень этого человека обидела, просто вышвырнула в тяжелое для него время. Так что Стариков самостоятельно пусть с ним договаривается. Если сможет...

Стали разыскивать других. Время настолько переменяло все в обществе, что бывшие сотрудники теперь в большинстве своем вообще с кураторами общаться не хотели и словно бы о ГРУ совсем забыли. Да и кураторы работали не во всех городах, только в крупных. А если человек уезжал куда-то в город областного подчинения или вообще в сельскую местность, то полностью пропадал из поля зрения. И потому искать, наводить справки и собирать сведения было очень нелегко. ГРУ ведь не ФСБ, и система агентурной работы внутри собственной страны в управлении не предусмотрена. Ладно еще, появился не так давно новый отдел. Официально он просто занимается бесполезным делом – дешифровкой полученных путем радиоперехвата шифрограмм. Но современные шифрограммы дешифровке не поддаются, если шифротелеграмму не отправляют с очевидными нарушениями. Изредка удавалось частично прочесть кодограммы, и это считалось успехом. Однако бесполезный отдел оправдывал свое существование за счет содержания компьютерных бандитов – хакеров. Эти люди взламывали пароли и входили в любую сеть. В том числе в сети МВД и ФСБ, которую разведчики обычно зовут просто Конторой. А Контора всегда интересовалась ребятами из картотеки Службы. И только такими окольными путями Старикову удалось собрать данные

почти на всех кандидатов.

Шестерых пришлось отбросить сразу.

Один был осужден за убийство и отбывал срок в зоне строгого режима на Урале. В прежние времена удалось бы его оттуда вытащить, сейчас же возникнут сложности, которые решить можно только на уровне высшего командования. Кандидат отпал – не было времени на долгие согласования.

Второй начал новую жизнь. Посчитал, что удачно вписался в современную действительность. Сейчас он работал на серьезную преступную группировку. По имеющимся данным, зона по нему плачет гораздо больше, нежели по первому, но он человек настолько хорошо обученный, что схватить его за руку не могут. И, насколько генерал знал уровень подготовки офицеров прежних лет, никогда не схватят.

Еще четверо кандидатов просто-напросто заболели русской болезнью – спились от тоски зеленой. Их физические, психические и интеллектуальные кондиции восстановить будет трудно и на это надо потратить тоже слишком много драгоценного времени...

Потом обнаружили, что десять человек, по непроверенным полностью данным, подались в «псы войны», и достать их из районов боевых действий очень сложно. Трех же вообще не нашли.

Таким образом, группа пока состояла из трех кандидатов. С двумя все было более-менее ясно, сегодня они прибыли, с предполагаемым командиром предстояло повозиться. Но

нужен был еще один, четвертый. И тогда кто-то подсказал Старикову, что в сербской армии существует отряд спецназа, которым командует капитан Славко Макараджич. На самом деле этот капитан – бывший спецназовец ГРУ Вячеслав Макаров, который пропал без вести еще в Афгане, недавно он объявлялся в России под чужими документами и даже принимал участие в операции внутри страны. И вообще он парень, на которого можно положиться.

Генерал Костомаров с Макаровым никогда не работал и не знал его лично. Но в Москву вызвали из Самары бывшего командира отдельной мобильной группы, в которой капитан служил, подполковника Согрина. С Согриным беседовал Стариков. Много из него вытянуть не удалось. Давал только отличные характеристики. Просто великолепные характеристики – хоть сейчас к Герою представляй. Но ни как найти, ни чем сейчас занимается – этого не сказал, хотя, показалось Старикову, знал.

Но машина поиска заработала. Собрали обширное досье. Макаров был подходящей кандидатурой даже для командира группы. Генерал, не одобряющий жесткие методы принуждения, применяемые к Тарханову, сразу предложил это. Только Стариков, на правах автора плана операции, побоялся доверить командование человеку с биографией, в которой слишком много «белых пятен». Костомаров потому настаивать не стал. С Макаровым стали искать связь, а Тарханова продолжали спешно «разрабатывать».

Глава 12

ТАРХАНОВ

«КТО МНЕ ДРУГ, А КТО ВРАГ...»

Артем не спешил.

Из двора Юрия Львовича он выехал на улицу, разминувшись на въезде с тяжелым «Мерседесом» крупного в городе авторитета Лымаря, который, прослышав, видимо, о происшествии, приехал к Юрию Львовичу. Лымарь обеспечивал банку «крышу» и, хотя приятельских отношений с управляющим не поддерживал, счел все же, видимо, нужным выразить соболезнование.

Тарханов чуть покружил по городу, чтобы дать время Валере съездить в банк за сотовым телефоном и на квартиру за записной книжкой. Встретиться договорились у почтамта. Когда подъехал туда, Валера на его машине уже занял место на стоянке.

Валера пересел в банковскую машину.

– Телефон, – протянул он трубку, – записная книжка... А это – на всякий случай... – и положил в раскрытую ладонь две запасные обоймы к пистолету.

– Спасибо. Если что – я позвоню.

– Хорошо. Рассчитывайте на меня.

Валера пересел в «шестерку» и уехал.

Тарханов позвонил домой. Ему сейчас было плевать, что телефон могут прослушивать. И пусть прослушивают. Пусть понимают, что его им не достать, может, смогут понять и то, что он не считает себя виновным, что и в самом деле не виноват. Иначе был бы уже далеко-далеко отсюда.

– Алло! Слушаю... – Марина, ночь проведя без сна, и сейчас, похоже, не спала. Не дали дурни в милицейской форме.

– Привет! Это я.

– Тема, ты где, что с тобой?

Голос дрожит. Похоже, вот-вот она заплачет.

– Не волнуйся за меня. Кому-то захотелось меня подставить. Я даже знаю – кому. И надо с этим делом разобраться. Если опять заявятся из милиции, скажи им телефонный номер, пусть звонят. И сама звони, как соскучишься. Понятно? – И он продиктовал ей номер сотового телефона.

Марина с сотовой техникой дела никогда не имела и систему номеров не знала.

– Номер какой-то странный. Служебный, что ли, какой? И вообще... Как же так? Они же тебя найдут.

– Успокойся. Это сотовый телефон. Едва ли они твой номер прослушивают, но если прослушивают, то уже записали, куда мне звонить. Пусть звонят. Я им кое-что объясню.

– А где ты сам-то, как? Не голодный?

Вот женская логика! То боится, что по телефонному номеру его найдут, то спрашивает, где он находится. Прямо так вот возьми и выложи на блюдечке свое местонахождение и

пригласи в гости группу захвата. Чтобы вместе пообедать в следственном изоляторе.

– Обо мне не беспокойся. Возможно, я могу некоторое время о себе вестей не подавать. Может, в командировку куда-нибудь съезжу. Главное, не беспокойся. Чтобы разобраться с ситуацией, нужно время. Если сам разобраться не смогу, то по инстанции пойду. Но если меня арестуют, то ситуация зайдет в тупик. Понятно?

– И на пенсии отдохнуть человеку не дают, – запричитала Марина. – У тебя хоть деньги с собой есть?

– Есть. На первое время хватит.

– Тема...

– Чего еще? Успокойся.

– Ты побереги себя.

– А чем я, по-твоему, занимаюсь? Ладно, все, до свидания, – и он решительно нажал клавишу отбоя.

Из всех своих друзей по спецназу Тарханов единственный, кто сумел сохранить семью. Частые командировки, возвращение из них порой в полуинвалидном состоянии – многие ли жены смогут такое вынести.

Марина вынесла все... Вынесла собственную тяжелую операцию по удалению опухоли молочной железы... И гибель от рук трех насильников младшей дочери. И окончание этой истории – когда осужденных выводили из здания суда, все трое были расстреляны в несколько коротких секунд из стоящей неподалеку машины. И пробиты шины в машине охра-

ны, которая преследование организовать не смогла. Стрелял из двух пистолетов Макарова – с двух рук – специалист: ни одной пули не пропало даром. Саму машину нашли потом через два квартала. За час до происшествия она была угнана.

* * *

Болезненные воспоминания подсказали, где ему сейчас «отлеживаться». Старый армейский товарищ, который помог тогда, поможет и сейчас. Даже если домашний телефон прослушивали и знают уже номер его сотового, то подключиться для прослушивания так скоро невозможно. Если это вообще в силах провинциальной милиции. Он набрал номер товарища.

– Алло? Кто это?

– Привет, Люся! Тарханов. Где твой благоверный?

– Здравствуй, Артем. В деревне он, ремонт делает.

– А когда вернется?

– Через недельку позвони. А что надо-то? Может, срочное что-то? Он вчера звонил оттуда с почты...

– Да нет, я так просто... Поболтать по-пензионерски захотелось...

– Ох, пенсионер нашелся... Ты ж нас лет на пятнадцать помоложе будешь...

– На двенадцать, – уточнил Артем. – Ну, ладно, вернется, передай ему привет...

Отставной полковник Сергей Костылев еще в прошлом году купил себе небольшой домик в деревне. Почти за бесценок купил. Вместо дачи, чтобы только лето на природе проводить, а зиму уж в городе, в тепле, и чтобы по морозу в колодец за водой не бегать. Тарханов был у него там дважды. Дом, конечно, требовал капитального ремонта. И Костылев все грозился к ремонту приступить. Вот и приступил через год после покупки.

Деревня в двадцати километрах от города. Совсем рядом, если есть машина. И Артему сейчас было бы очень удобно воспользоваться гостеприимством старого товарища. Вычислить Костылева среди его знакомых для ментов невозможно.

Не долго думая, он выехал на окраинный район новостроек. Там, по проселочной дороге, идущей через лес, очень удобно выбраться из города, если не желаешь столкнуться с проверкой на посту ГАИ.

Дорога еще полностью не просохла после жарких весенних дней. Ветки стучали по крыше и по ветровому стеклу, не давая соскучиться. Машин здесь сейчас не было, и Артем только радовался одиночеству. Лес, преимущественно березняк, успокаивал его обещанием скорой зелени, новизной. И слегка улучшилось настроение. Он даже пожалел, что не заехал в магазин, чтобы купить бутылку, но решил сделать это по дороге.

Да, Сергей его, конечно же, примет и спрячет. Ведь имен-

но с ним тогда, во время суда над убийцами дочери, он и разработал свои действия. Именно его машину он «угнал», чтобы из нее стрелять по убийцам. Не подвел полковник тогда, не подведет и сейчас.

Они вместе служили когда-то в Таджикистане. Только полковник в разведцентре разведуправления округа – тогда еще в звании капитана – занимался транспортными средствами обеспечения, а Тарханов в отдельном батальоне спецназа. Встречались время от времени, разговаривали. И лишь через несколько лет узнали, что земляки. А потом встретились – два пенсионера – на улице. И не сказать, что они стали закадычными друзьями, у разведчиков принято помогать друг другу.

Да и хорошо, что закадычными друзьями не стали. Иначе Артема свободно могли бы и вычислить. Хотя предпринять целенаправленный поиск они будут едва ли. Ну, предупредят посты вокруг города. Дополнительные поставить не смогут. Сил маловато, чтобы все перекрыть. А он по кольцевой дороге, по узким тропам, где машина едва-едва протискивается между деревьев, проедет в город и обратно когда ему будет надо. В случае чего и пешком всегда дойдет. Можно и услугами Валеры воспользоваться. Схема простая. Подъезжает к городу, звонит, Валера выезжает с кем-то из охранников, этот кто-то пересаживается в банковскую машину, а сам Тарханов вместе с Валерой, документы которого сомнения не вызовут, спокойно везет Артема по нужному

адресу.

* * *

Дощатый, почерневший от времени забор еле держится на проржавевших насквозь гвоздях. Снег сошел недавно, и земля вокруг домика сырая, ноги чуть-чуть скользят. Из-за забора слышится стук молотка, лихо, со вкусом вгоняющего в доски гвозди.

Калитка распахнулась с жалобным стоном. Здесь тоже надо петли менять...

– Тема!.. Какими судьбами? Заходи...

– А еще называется – разведчик. Машина к самым воротам подъехала, а он и не слышал.

Полковник в офицерском бушлате, надетом на голый волосатый торс, и в спортивных штанах, вытянутых на коленях. Вид, как всегда, сурово-решительный, безапелляционный – вид человека, привыкшего конкретно приказывать.

Во дворе на грубо сколоченном верстаке лежала наполовину собранная новая дверь. Сергей самостоятельно выстругал все доски, пригнал их плотно одну к другой. Чем-то его не устроила фабричная шпунтованная доска, сложенная здесь же, во дворе, и он сам фальцевал для двери заготовки.

– Вторую профессию получаешь? – спросил Артем, щурясь от солнца, по-деревенски яркого и весеннего.

– Это-то... – самодовольно посмотрел на плоды собствен-

ного качественного труда Сергей. – Это, брат, я не получаю, я получил уже давно. С самого детства. У меня же отец был столяр-краснодеревщик. Чему-то научил. Хотел, чтобы руки у меня из нужного места росли. И, понимаешь, до сих пор с того самого времени запах свежей стружки волнует. Как мимо какой-то столярки прохожу, так голова кружиться начинает. И сам построгать люблю. И рубанком... И топором потесать... Вот ты, что мне скажешь, товарищ майор спецназа, для чего топор сгодиться может?

– Рубить дрова и головы.

– Дрова колуном колят. А мне отец рассказывал, как его молодого в плотницкую артель принимали. Дали сначала топор без топорща. Новый. Чтобы наточил и выстругал топорщице сам. Сделал. Потом попросили топором карандаш подточить. Подточил. Тогда вот только и приняли. Испытание, понимаешь, такое было...

Артем кивнул. Запах свежей стружки и его самого несколько возбуждал. И подспудно думалось, что хорошо бы вот так всю жизнь заниматься этим добрым делом, пилить и строгать доски, сколачивать двери, настилать полы...

Вошли в дом. Все здесь было развалено, прогнившие от времени доски пола в одной из комнат вырваны, поставлены новые лаги, пропитанные противопожарным раствором и потому словно выкрашенные в розовый цвет. Во второй комнате пол уже заново настелен, только не покрашен.

Артем прошел по доскам, основательно, как слон, пото-

пал ногой, не скрипят ли где половицы, ладонь приложил, пощупать, насколько хорошо доски за зиму просохли.

– У тебя, я понимаю, проблемы?

– Проблемы.

– С прошлым разом связано? – Что такое «прошлый раз», Артему объяснять было не надо.

– Нет. Чуть полегче.

– В себе держишь? Или поделиться приехал? – по-военному напрямик спросил Сергей.

– Подумать вместе.

– Ну-ну, давай подумаем.

Они вышли на кухню. Пока это самое жилое помещение в доме. Здесь и пол уже настелен, и стены оклеены цветастой клеенкой. К тому же имеется в наличии стол и пара табуреток. Тут же – раскладушка, на которой хозяин, видимо, спит. На свежесбеленной печке сверху положен скрученный матрац.

Тарханов достал из сумки бутылку водки, какие-то не слишком привлекательного вида пирожки – это все, что он смог купить в киоске у дороги.

– Через пару месяцев приезжай. Тогда уж я тебя свежей зеленью накормлю, со своего огорода. А пока только вот... – Костылев достал из-под стола кастрюлю с вареной картошкой и банку с солеными огурцами.

Закуску быстро нарезали, по граненым стаканам разлили водку, выпили.

– А теперь – выкладывай...

Артем начал рассказывать. Все, с самого начала.

– Да, круто они за тебя взялись, – сказал, покачив головой, полковник. – В наши времена Служба такими методами брезговала, Конторе их оставляла. А с Конторы ответа тогда никто и не спрашивал.

– Времена меняются.

– Изменилась психология общества. Ты телевизор посмотри. Я на прошлой неделе включил какую-то передачу. О патриотизме размышляют. И тип какой-то говорит – за что, мол, мне эту Родину любить, что она для меня сделала? И не понимает, убоженок, что Родину, как и мать, любят не за что-то.... Честному человеку и смотреть противно.

– А ты не смотри. Я вот уже только изредка этот ящик включаю. Новости иногда узнать. Тоже понимаю...

Договорить ему не дали. Заверещал во внутреннем кармане куртки, которую Артем у двери повесил, сотовый телефон.

Тарханов взял трубку:

– Слушаю! Тарханов.

– Добрый день, Артем Петрович. Это Ушаков до вас добрался. Мне передали ваш телефон.

Артем попытался вспомнить, кто такой Ушаков, но не вспомнил. У опера фамилия была какая-то другая. Татарская или башкирская.

– Кто передал?

– Ваша жена. Я позвонил ей, она сказала, что вы хотели со мной поговорить. А... Простите. Вы, вероятно, не помните меня по фамилии. Я – следователь Центральной прокуратуры. Мы с вами встречались уже. Меня зовут Игорь Сергеевич.

Артем и так уже узнал его по голосу.

– Да-да... Я посчитал, что с вами общаться мне как-то удобнее.

– Я думаю, что вы совершили ошибку, спрятавшись от милиции.

– Мне не слишком хочется попасть на нары. Пока я дышу свежим воздухом, от меня будет больше пользы и вам, и мне самому.

– Следственные органы имели полное основание арестовать вас. Я сам готовил постановление о мере пресечения. Взять хотя бы тот пистолет, что нашли у вас под столом на кухне...

– Его подбросили.

– Возможно. Но с этим следует разобраться. Сами вы это сделать сможете едва ли.

– Я попробую.

– У вас нет следственного опыта, вы ограничены в возможности передвижения.

– Я попытаюсь справиться с этими трудностями.

– Где вы сейчас находитесь, Артем Петрович?

– В машине. По дороге еду.

– А у вас нет желания встретиться со мной?

– Пока еще нет.

– Но вы не в городе?

– Нет. Я сейчас от города удаляюсь. В неизвестном направлении...

– Что ж, это тоже хорошо.

– Хорошо?

– Для вас. Безопасно.

– Естественно. Я своей свободой очень дорожу.

– Для вашей жизни безопасно.

– То есть? Вы хотите сказать, что моей жизни что-то угрожает? – Артем улыбнулся. Ему подумалось, что следовательно желает выдать версию с покушением на него за принятую следствием, что это одна из попыток вернуть его в город и, следовательно, под арест. Неужели этот человек, с виду неглупый, настолько прост?

– Да. Угрожает. Только не что-то, а кто-то. Что за человек был за рулем вашей личной машины?

Этот вопрос поставил Артема в тупик. И заставил заволноваться.

– Мой подчиненный. Я попросил его поставить машину в гараж. А что случилось?

– Вас в лицо они, видимо, не знали. Знали только номер машины. И вместо вас расстреляли сегодня вашего паренька. Из двух автоматов. Прямо на улице. Потом бросили в машину гранату. Если бы вы не скрылись, то...

– То я был бы убит, – констатировал Артем.

– На вашем месте я не ставил бы так вопрос. Если бы вы позволили вас арестовать, то вместо вас не погиб бы другой человек. Они наверняка знали бы, что вы арестованы и... Извините... Минутку подождите.

Кто-то зашел в кабинет к следователю. Разговаривали они минуты две.

– Еще могу вас поздравить, Артем Петрович. – Голос следователя заметно потяжелел и стал резче. – Десять минут назад застрелен управляющий вашим банком. Прямо в своей квартире. И дочь похоронить не дали.

– Его тоже застрелили вместо меня?

– Разберемся. Кстати, во дворе видели двух чеченцев. И те, кто стрелял в вашу машину, по показаниям свидетелей, тоже похожи на чеченцев. Я выезжаю на место. Потом вам перезвоню. Пока в городе не появляйтесь. Но и слишком далеко не уезжайте. Чеченцев встретите – обходите стороной.

– Понятно. – Артем отключил телефон и устало прислонился к стене.

– Что там? – поинтересовался Сергей.

– Война настоящая.

– То есть?

Он рассказал, что узнал от следователя.

– Де-ла... – только и нашел что сказать полковник. – И ты думаешь, что все это организовано твоим капитаном первого ранга? Но тогда при чем здесь этот парень в твоей машине?

При чем здесь твой управляющий?

– Мне не слишком хочется верить в это. Но у него совершенно лишенные совести глаза. Я не доверяю людям с такими глазами.

Артем налил еще водки. Выпили. Вышли во двор.

Сергей взял в руки рубанок, несколько раз провел им по доске.

– Ты работай пока, – сказал Артем. – А я подремлю на досках. А то спал сегодня часа полтора от силы.

– Поспи... – согласился Сергей.

Артем лег на стопку досок, подставив лицо солнцу. Спать он, говоря по правде, совсем не хотел. Он уже перешел ту грань, когда сон побеждает возбужденную нервную систему. Ему просто не хотелось ни о чем говорить сейчас, хотелось все обдумать самому.

Валера... Еще одна жертва жестокой игры неизвестно во что и неизвестно против кого. Совершенно случайная жертва. Молодой парень, жениться еще не успел. Кажется, только вскоре собирался. Ну, здесь ладно, здесь они ошиблись. Это можно понять, хотя трудно с этим мириться. Теперь вот и Юрий Львович. Он-то вообще при чем здесь может быть? Непонятно. И все-таки чеченцы. Или и их кто-то подставляет?

Так и не найдя ответа на свои вопросы, Артем уснул, усталость свое взяла, помогло теплое солнышко и деревенский воздух, от которого он совсем отвык.

А проснулся от толчка в плечо.

– Телефон звонит, – сказал Сергей.

Артем заскочил в дом. Звонил опять Игорь Сергеевич Ушаков. Он уже вернулся с выезда.

– Что там случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.